

18+

ИГРА В ИДЕАЛЫ.

ТОМ III

Отмщение

ИГРА В
ИДЕАЛЫ

МАРИНА ШАПОВАЛОВА

Марина Шаповалова

Игра в идеалы. Том III. Отмщение

«Издательские решения»

Шаповалова М.

Игра в идеалы. Том III. Отмщение / М. Шаповалова —
«Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Финал трилогии захватывает стремительным вихрем
сюжетных поворотов, драмы и противостояний. В битве за собственное
счастье разворачивается жестокий торг с прошлым. Каждое чувство —
на острие, каждый поступок — фатален. Неожиданный финал перевернет все:
испытания, найденная истина, цена мести и прощания. Дамана вынуждена
заплатить свою мрачную цену. Но готовы ли к этому другие герои?..

© Шаповалова М.

© Издательские решения

Содержание

Игра в идеалы	6
Отмщение	6
Вне времени	18
7 июня 1775 года. Четверг	20
8 июня 1775 года. Пятница	25
9 июня 1775 года. Суббота	29
10 июня 1775 года. Воскресенье	33
11 июня 1775 года. Понедельник	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Игра в идеалы. Том III

Отмщение

Марина Шаповалова

© Марина Шаповалова, 2026

ISBN 978-5-0070-2863-9 (т. 3)

ISBN 978-5-0069-4769-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игра в идеалы Том III

Отмщение 2 июня 1775 года. Вторник.

День для меня стал ударом. Таким же сильным, как день смерти матери, когда я окончательно потеряла всех близких. Я не понимаю, за что судьба со мной так обходится?

Но началось все замечательно. Очередной рабочий день. Рано утром я закончила завтрак, как, в панорамном окне столовой, увидела Питера. Он, элегантно одетый, шел к моему дому плавной походкой. Такое зрелище, почему-то в этот момент, очаровало мое зрение и притянуло нутро. Успокоить ускоренное сердцебиение самостоятельно у меня не получилось. Пит, сам не зная, помог мне: проходя мимо фонтана, он кинул на него хмурый взгляд.

«Согласна», — подумала я, скрестив руки на груди.

Давно пора его отреставрировать и запустить. Ведь он на передовой моего дома. И просто почистить его недостаточно.

Не дожидаясь звона дверного колокольчика, я распахнула дверь прямо перед Питером — он как раз поднял руку, чтобы позвонить. Я улыбнулась ему, и на мгновение Ричардс замер, пораженный моим обликом, озаренным утренним солнцем.

— Доброе утро, миледи Брустер, — Питер слегка склонил голову в почтительном поклоне, но в его взгляде читались и признание, и едва уловимый флирт.

— Доброе утро, мистер Ричардс, — ответила я. — Прошу вас, проходите.

В этот момент появился дворецкий, но Питер вежливо отказался от любых предложений, и я отпустила Леджера заниматься своими делами. До начала совещания оставалось около двух часов, и я прекрасно понимала, почему он приехал так рано. Больше недели мы не целовались, истосковались и хотели немного внимания и прикосновений.

Жест Питера я оценила ответным предложением:

— У меня есть кое-что для тебя.

Проходя мимо слуг, мы сохраняли безупречную сдержанность — и в этой внешней чинности таилась особая притягательность. Я мысленно отсчитывала секунды до момента, когда все изменится, и мне не терпелось увидеть, как Питер отреагирует на мою затею. Он был явно заинтригован — в глазах читалось приятное волнение, едва заметная улыбка тронула губы.

Вскоре мы оказались в бильярдной. Жаль, что дверь нельзя было запереть на ключ, но я точно знала: сюда никто не войдет.

По приобретенной многолетней привычке я одевалась в простые платья, и прически были исключительно с моими натуральными волосами и чаще всего заплетенные в косу или собранные в пучок.

И вот, в излюбленном виде Пита, Карла, Тома, Стефана и кого-то там еще, я легко вскочила на край бильярдного стола. Распустила волосы — тяжелые пряди упали на плечи — и, бросив на Ричардса взгляд исподлобья, тихо, с трепетом в голосе произнесла:

— Мы здесь кое-что не закончили, помнишь?..

Я видела, как раздулась грудь Ричардса, он смотрел на меня с восторгом, а разум покинул мозг. Он приблизился ко мне молча, движения стали резче, увереннее. Расстегивая брюки, Ричардс одним резким движением приподнял подол моего платья... Я не успела увидеть — лишь почувствовала, как он готов ответить на мой соблазнительный призыв. Недавно на этом же месте я нелепо отказала Питеру, а сегодня словно дарила ему возможность отыграться. И,

признаться, сама испытала куда большее наслаждение, чем ожидала, — эмоции переполняли, усиливая каждое движение.

После такого настроение стало еще лучше, и теперь Пит не отказался от чашки чая и быстрой сигары на террасе заднего двора. Мы пошли в кабинет под благовидным предлогом подготовиться к совещанию. Но только дверь закрылась, как Питер притянул меня к себе и начал целовать нежно, практически с любовью, что теперь разум покидал мой мозг.

— У нас еще есть время, — томительно произнес Пит.

— Закрой дверь на ключ.

Он исполнил просьбу. Мы занимались любовью на диване прямо в кабинете моего покойного отца. Извращение? Да, оно самое, дорогой читатель... Но увлажняло оно меня интенсивнее, что сводило с ума Питера от каждого введения. Пик застал меня, когда Пит оказался сзади. Пришлось зубами впиться в собственную руку, чтобы не кричать. Из этой комнаты лишние ноты могли выдать истину мелодии. Питер так же гасил свои стоны, и это было потрясающе. Не ожидала, что скрытность может усиливать кульминацию, а не угнетать ее.

Когда мы оба закончили, предпочли быстро развернуть меня, чтобы поцелуями заткнуть рты, заглушая последние отголоски страсти. Дыхание постепенно выравнивалось, а стоны сменились тихими вздохами.

Через некоторое время в кабинете собрались все коллеги, и мы готовы были приступить к работе. На этот раз и мой мозг, и мозг Питера работал как полагается и в нужном направлении. Хотя переглядывались мы иногда затейно.

В начале четвертого постучался дворецкий и сказал, что прибыл принц. Я ответила, что занята, но Леджер настаивал. «Это же принц!» — говорил он.

Не дожидаясь разрешения, Стефан стремительно вошел в кабинет. Вид его поразил меня: лицо искажено тревогой, волосы растрепаны — такого я за ним прежде не замечала. Вероятно, он пришел вновь просить прощения. Принц замер на мгновение, сглотнул и произнес дрожащим голосом:

— Графиня Брустер, мне необходимо с вами поговорить.

— О чем? — спросила я, с достоинством поднимаясь со своего места.

— Наедине, — тихо произнес Стефан, опустив взгляд.

— Эти люди знают обо мне все. Говорите при них, — твердо ответила я.

— Но я не могу... — прошептал принц.

— Значит, это не настолько важно. Я занята. Будьте добры, зайдите в другой раз, — повторила я.

— Нет, — он сделал шаг вперед. — Сейчас. Мы можем выйти? Это крайне срочно.

— Ваше Высочество, я занята работой, вы меня отвлекаете, — строго произнесла я.

— Это касается Карла... — наконец вымолвил он.

— Вы вчера уже все сказали о нем! — отрезала я.

— Я не хочу этого говорить... но я обязан, — с трудом произнес Стефан.

Внезапно меня охватил леденящий страх. Внутри все сжалось, словно пронзительно закричало, а ноги предательски ослабли. Я вспомнила свое дурное предчувствие и мысленно взмолилась, чтобы интуиция на этот раз дала осечку...

— У вас какие-то вести о Карле? — с замиранием сердца спросила я.

— Да, — кивнул Стефан. — Но я должен сказать вам это наедине.

— Говорите здесь, — твердо повторила я.

— Я не могу, — он сглотнул. — Потом вы можете пожалеть об этом. Вы все еще злы на меня за вчерашнее, я понимаю. Но прошу, не давайте воли чувствам. Послушайте меня, графиня, давайте выйдем.

— Я повторяю в последний раз: говорите здесь! — мой голос прозвучал жестче, чем я ожидала.

Стефан на мгновение отвернулся, будто собираясь с силами.

— Вы уверены? — тихо спросил он.

— Полностью, — твердо ответила я.

— Леди Брустер... — его голос дрогнул. — Я не найду слов, чтобы смягчить это известие.

Если бы мы вышли, вы узнали бы обо всем первой. Простите, что приходится вам это говорить.

— Ближе к делу! — потребовала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Мир вокруг словно замер. В голове вихрем пронеслись самые страшные мысли. Коллеги замерли в напряжении — в их глазах читался неподдельный страх. Стефана била дрожь, но он выпрямился и, глядя мне прямо в глаза, произнес:

— Сегодня рано утром в порт пришло известие: корабль Томаса Джеффа был захвачен пиратами. Никто не выжил... На этом судне возвращался ваш виконт, Карл Норрис. Мне искренне жаль...

Слезы навернулись на глаза, но я не могла издать ни звука — слова застряли в горле. Подавленность придушила меня тяжелой волной.

— Боже мой... — выдохнул мистер Смит, оборачиваясь ко мне с выражением искреннего сострадания.

Все всполошились. Питер взялся за лоб рукой и начал что-то бормотать себе под нос, это было больше похоже на ругательства, нежели на молитву. Мистер Браун попросил дворецкого принести мне воды и успокоительного. Питер посмотрел на меня. Я же смотрела на Стефана, ожидая, что он скажет: это розыгрыш. Меня начало качать из стороны в сторону. Я не чувствовала земли под ногами, а ведь пару часов назад я эти самые ноги раздвигала перед другим мужиком, в то время, когда моего любимого убивали где-то посреди бескрайнего моря... Сердце колотилось неровно, дыхание прерывалось. Внутри образовалась зияющая пустота, а хаотичные мысли терзали душу, лишая сил.

— Эли, — окликнул меня Пит.

Он стремительно подошел ко мне и осторожно коснулся моего локтя. Я резко отдернула руку, словно его прикосновение обожгло меня. Хотела произнести: «Не трогай меня», — но губы словно онемели, не подчиняясь воле. Как за одно мгновение возможно из любовника стать врагом? Все мои мысли, все силы устремились туда, к Карлу, к моему Карлу...

Питер вновь протянул руку, но на этот раз я отстранилась еще резче, почти грубо. Постепенно ко мне возвращалось ощущение реальности. Дворецкий приблизился с бокалом воды и лекарством на подносе, учтиво предложил выпить, но я лишь молча покачала головой.

Я посмотрела на картину на столе. Я, мама, папа. Вдруг у меня в голове возникла надежда. Не может жизнь меня так наказывать и отбирать самых близких людей. За что? В секунду я пришла в себя и устремила злой взгляд на принца. Мистер Браун спросил:

— Дамана, чем мы можем тебе помочь?

— Не верьте лгуну, — жестоко и весьма серьезно сказала я, глядя на Стефана. Увидела недоумевающие взгляды и решила пояснить: — Я объясню, — мой голос зазвучал холодно и отчетливо. — Принц Стефан с детства испытывает ко мне чувства, выходящие за рамки приличий. Карл был для него не просто соперником — он мешал его планам. И теперь, чтобы заставить меня забыть Карла, Стефан идет на ложь. Не пытайтесь занять его место рядом со мной — это бессмысленно и недостойно!

— Миледи! — голос Стефана прозвучал твердо и чуть обиженно. — Прежде всего, подобными вещами не шутят. И зачем мне лгать? Напротив, я бы только выиграл, если бы Карл Норрис вернулся... Но этого не случится, леди.

Он сделал паузу, и в его глазах отразилась искренняя скорбь.

— Карл погиб, как и весь экипаж корабля. Доблестные моряки, верные слуги королевства... Мы потеряли не только посла, но и важнейший международный документ. Над ним Королевство и Империя трудились несколько лет. Это удар для всех нас, миледи.

Окружающие наконец осознали, насколько мне плохо — я словно пыталась отгородиться от всего мира. Питер настойчиво предлагал выпить успокоительное, но я не замечала его усилий.

— Если это правда, — резко бросила я Стефану, повысив голос, — то почему именно вы принесли мне эту весть? Позлорадствовать решили?

— Графиня Брустер, уверяю вас, это не так! — горячо возразил принц. — Я посчитал, что будет правильнее, если вы узнаете об этом от меня лично. Я колебался, ведь помнил, что вчера наговорил о Карле не самое приятное...

— Как вы узнали об этом, Ваше Высочество? — вмешался Питер, голос его звучал напряженно.

— Сегодня утром в порт прибыло письмо с подтверждением трагедии, — ответил Стефан. — Оттуда его немедленно доставили во дворец. Граф Энтони Керк вез чрезвычайно важный документ — плод многолетних переговоров. Скорее всего, он утерян... Не теряя времени, я поспешил к вам, леди Брустер.

Я опустила в кресло. Остальные гости, охваченные скорбью, отошли в стороны, стараясь не мешать. Питер остался рядом, тихо что-то говоря, но слова доносились до меня словно сквозь туман. Он осторожно взял мою руку и начал мягко поглаживать ее, пытаясь успокоить.

Мне хотелось рыдать, меня разрывало изнутри. Неужели это правда?! Не верю! Я хотела плакать, но не могла, будто сил не хватало. Руки нервно задрожали, заболело сердце, я схватилась за него.

Неожиданно паника покинула меня. Я взяла себя в руки и спросила:

— Если это правда, то почему рядом с моим домом нет газетчиков?

— Эта весть еще слишком свежа, — ответил Стефан. — Но порт — излюбленное место газетчиков, и обычно новости там не задерживаются надолго.

— Откуда у вас уверенность, что все погибли?

— Пиратов было значительно больше. Свидетели сообщали о жестокой перестрелке и нескольких взрывах на борту...

— Почему же тогда ни одно судно не пришло на помощь? — не унималась я.

— То был частный торговый корабль, — терпеливо объяснил Стефан. — Существуют регламенты, миледи. Его охрана была слабой, и реальной помощи от него ждать не приходилось. Вмешательство в бой означало бы потерю судна, груза и еще нескольких десятков жизней.

— Спасательную экспедицию отправили?

Я сыпала вопросами один за другим, отчаянно ища хоть малейшую зацепку, какой-нибудь изъясн в его рассказе, который поможет мне закрепить надежду.

— Да, — кивнул Стефан. — Они будут сообщать о ходе поисков с помощью почтовых голубей.

— Хорошо, — произнесла я твердо. — Сообщите мне сразу же, как только что-то станет известно!

— Как только появится какая-то информация, вы узнаете первой, — искренне пообещал принц.

— Джентльмены, — обратилась я к коллегам. — На сегодня мы закончили. И вот что еще: если хоть кто-нибудь проговорится миссис Норрис о том, что Карл погиб, тот человек замолкнет навсегда, потому что я отрежу ему поганый язык! Передавайте это всем, слово в слово. Миссис Норрис должна быть ограждена от любых слухов и домыслов!

Собеседники восприняли мою грубость как помешательство. Но правда в том, что я не шутила. Внутри себя я это понимала. Надо будет, еще яду привезу...

— Вы все еще мне не верите? — спросил принц.

— Верю. И прошу прощения за то, что взорвалась. Просто не каждый день твоя жизнь обрывается в минуту, несмотря на то что ты еще жива.

Я поправила прядь волос, стараясь взять себя в руки. Страх, боль и отчаяние терзали душу, словно острые когти. Казалось, еще мгновение — и я разрыдаюсь.

«За что? — билась в голове отчаянная мысль. — Почему мир так жесток ко мне? Почему у меня отнимают все самое дорогое?.. Карл...»

— Мы не сможем полностью оградить миссис Норрис от общества, — заметил мистер Смит. — Кто-нибудь непременно проговорится.

— Я уже продумала это, — твердо ответила я. — Продержитесь всего несколько часов. Затем она покинет город. Мистер Леджер?

— Я слушаю.

— Вы рассказывали, что после смерти моего отца жили в тихой деревне, которая не затронута цивилизацией.

— Да, все верно.

— Скажите, у вас там сохранился дом?

— Да, и я с превеликой радостью предоставлю вам ключи от него, — с готовностью отозвался Леджер.

— Благодарю вас. Будьте добры, соберитесь — нам предстоит небольшая поездка.

Дворецкий поклонился и поспешил к себе, чтобы выполнить поручение.

— Ваше Высочество, — обратилась я к Стефану, — вы прибыли верхом или в карете?

— В карете, — ответил принц.

— Не будете ли столь любезны подвезти нас?

— Куда угодно, миледи, — без колебаний ответил Стефан.

— Дамана, — начал было Питер, привычно обращаясь ко мне по имени, но, бросив взгляд на принца, сменил тон: — Миледи, как вы собираетесь убедить миссис Норрис отправиться в деревню?

— С помощью крестного, — коротко ответила я. — Отправлю их в крестный ход.

Присутствующие были поражены тем, насколько хладнокровно я все это планировала. Да, мне было страшно — очень страшно. Но я действовала словно в полусне, будто боролась с кошмаром, отчаянно пытаюсь проснуться и вернуть контроль над реальностью.

— Эли, дорогая, — Питер положил мне руку на плечо, — ты сама сказала, что веришь в рассказ его величества... Миссис Норрис не стоит питать иллюзий. Рано или поздно она обо всем узнает. Лучше уже сейчас.

— Питер, ты не понял, — нежным голосом пояснила я. — Карл жив. Корабль захватили пираты, но это не значит, что он умер. Карл жив. Он вернется. Или если он в плену, то я его выкуплю...

— Пираты не берут... — убеждал меня мистер Браун, но я его перебила:

— Я напишу отцу Флетчеру, они приедут обратно в столицу, и Карл все объяснит миссис Норрис.

Питер замер, словно хотел возразить, открыть мне глаза на жестокую реальность — но, увидев огонь надежды в моих глазах, промолчал. Он не решился убить во мне эту последнюю искру веры.

Сложно описать, что я чувствовала. Я была вне себя, но как будто и в здравом рассудке. Я выглядела спокойной, но это было так неуместно, а ужас, растерянность и боль в глазах говорили обо всем без слов. Я увидела жалость в глазах каждого, кто был рядом, и даже смогла улыбнуться и получить натянутые улыбки в ответ. Это лишало меня сил.

Мы отправились в церковь, к отцу Флетчеру. В карете я молчала. Но сколько мыслей пугалось в голове! Вдруг мне захотелось закричать с такой силой, что я испугалась сама себя... И мои страхи отступили.

Как передать то, что я испытывала? В глубине души я была убеждена: Карл жив. «Боже, — твердила я себе, — иначе и быть не может. Он жив, жив!» Это не самовнушение — я *знала* это всем существом.

Но тут же в сознании возникал другой голос — холодный, безжалостный: «А что, если нет?» От этой мысли внутри все сжималось, а руки начинали дрожать так, что я едва могла держать перо, чтобы внести эти мрачные заметки в свой дневник. Воспоминания о том леденящем душу дне и последующих мучительных часах до сих пор терзают меня. Слова бессильны передать всю глубину пережитого отчаяния.

Я потеряла всяческие желания. Ничего не хотела. Ничего для меня больше не существовало. Я не видела смысла ни в чем. Не могу об этом писать... Мне плохо! Потерять Карла навсегда — этого не могло со мной произойти. Это непостижимо! Я не справлюсь без него. Да, мне ничего и не нужно без Карла! Сердце не хочет давать мне право жить при одной мысли о смерти Карла.

А еще... как я себя ненавижу! Когда я развлекалась с разными мужчинами, мой любимый был в плену у пиратов! Ужасная участь! Как я посмела? Только в этот кошмарный час я поняла, что ни к чему были мне все похождения. Я ужасна, омерзительна! Я недостойна! Но нет... В то же время, положа руку на сердце, я понимаю, что имела право на веселье... Почему я так легко могу оправдаться, когда не должна этого делать?! Что я за человек! Зачем я рождена? Чтобы гнить и разлагать тех, кто рядом? Прикидываюсь идеальной женщиной, а внутри — пустота, ничтожество. Разум ясно видел все мои ошибки, но порочное нутро не созидало в их исправлении. Неужели я должна прислушиваться к сердцу? Но это еще более глупая затея! Тогда я потеряю над собой контроль! И тогда мне придется стыдиться и ненавидеть себя значительно больше, чем сейчас...

Я не знаю, что теперь делать. Сейчас я отправлю миссис Норрис из города, это моя задача, я за нее отвечаю. Она мне как мама, я не могу потерять ее, а миссис Норрис не перенесет потери сына. Но потом, когда она будет в безопасности, что тогда делать? Я буду ждать Карла, это правильно, это естественно! Хватит ли сил? Мне было невыносимо ждать его к четвертому числу, а теперь сроки его возвращения неизвестны... Я сойду с ума, я уже начала сходить с ума. Но нет! Я должна сохранить здравый рассудок, чтобы Карл был счастлив со мной, когда вернется. Чтобы я могла его радовать своим умом, веселым нравом... И да... Да... Тем же самым телом... Я хочу себя дарить этому человеку... Не покидай меня, Карл!

Боже... Боже... Где ты? К кому я взываю? Почему он оставил меня, чем я это заслужила? Неужели мои предки — страшные, бесчеловечные преступники, головорезы, убийцы маленьких девочек, сластолюбцы в монашеских одеяниях, алчные, корыстные, погрязшие во всех смертных и не очень страшных грехах? За кого я несу такой крест? Я готова вернуться в прошлое и лично его зарезать! Кто является виной, что моя жизнь катится в тартарары? Где искать спасения? К кому взывать? Я не знаю... Почему мир ополчился против меня?

Карета остановилась у ворот церкви. Я взглянула на ее высокие шпили, и по спине пробежал холодок. Войти внутрь? Нет, я просто не могла заставить себя переступить порог Божьего дома.

Меня начало мелко трясти, и я поспешила объяснить это нервами, хотя причина была глубже. Перед глазами вставали жуткие картины: стены церкви, залитые кровью, мучения прихожан, искаженные лица в мольбе. Эти видения, пугающие и яркие, странным образом отрезвили меня.

Я остановилась у подножия ступеней, не в силах сделать последний шаг.

— Мистер Леджер, — обратилась я к дворецкому, стараясь говорить ровно, — будьте добры, позовите ко мне отца Флетчера и Уэйна.

Дворецкий молча склонил голову и направился к дверям храма.

— А мы внутрь не пойдём? — спросил Стефан.

— Не сегодня, — ядовито ответила я.

Если бы эта церковь не была так дорога крестному, в эту минуту я бы с радостью ее сожгла. Чтобы не искушать себя, я отошла чуть поодаль, к скамейке, и повернулась спиной к церкви. Принц положил мне руку на плечо, я со злостью стяхнула ее. Стефан, удивленный, не понял, почему я отвергаю его желание помочь мне. Я посмотрела на него и поняла, что неправда:

— Прости меня! Я просто не в себе. Все хотят мне помочь, но зачем? Все будет хорошо. Я знаю.

— Я понимаю тебя.

Стефан соврал: неуверенность в голосе выдала его. Поверх плеча принца я увидела, что крестный, Уэйн и мистер Леджер идут к нам.

— Добрый день, Дамана, — сказал отец Флетчер. — Что произошло? Вы все так встревожены... Ты не заболела? Такое бледное лицо...

Я начала излагать отцу Флетчеру и Уэйну все, что мне было известно. Крестный, потрясенный услышанным, опустился на скамью и принялся выражать мне соболезнования. Но я не слушала — я торопливо, сбивчиво описывала свой план спасения миссис Норрис.

— Дамана, дитя мое, — мягко произнес отец Флетчер. — Миссис Норрис не должна бежать от истины. Мы поможем ей принять утрату, помолимся за душу Карла...

— Крестный, — перебила я, — Карл не умер.

— Для всех нас он будет жить в памяти и в наших сердцах, — с печальной улыбкой ответил священник.

Кровь закипела во мне от этих слов, но я заставила себя сдержаться.

— Карл жив, — твердо повторила я, глядя ему в глаза. — Я знаю это наверняка.

— Но как такое возможно? — нахмурился отец Флетчер. — По словам свидетелей, никто не выжил.

— Карл не мог умереть, — процедила я сквозь зубы. — Он слишком сильный, слишком умный, чтобы погибнуть так просто.

— Смирись, дочь моя. Богу было угодно призвать к себе Карла Норриса...

— Не смейте так говорить! — не выдержала я, повысив голос. — Не смейте хоронить его раньше времени!

Отвернулась от всех и вцепилась в волосы, тянула их, пока мне не стало больно, выплеснув часть гнева. Я опустила руки, сжала их в кулаки и сделала несколько глубоких, прерывистых вдохов, стараясь восстановить самообладание. Когда дыхание выровнялось, я медленно повернулась к своим собеседникам.

— Отец Флетчер, — произнесла я почти шепотом, — когда ваш брат ушел из жизни, вы утратили веру в Бога?

— Нет, — так же тихо ответил крестный, не отводя взгляда.

— Я никогда не говорила, что буду с Богом. Но это я обещала Карлу... Поймите же! Я не утратила веры — я верю в то, что Карл жив. И я прошу вас: помогите уберечь миссис Норрис от этого страшного удара. Сделайте это ради нее, ради меня... А если вы все же считаете, что Карл ушел, то сделайте это ради светлой памяти о человеке, который однажды спас мне жизнь, подарил мне смысл существовать.

Голос дрогнул на последних словах, и я почувствовала, как к горлу подступают слезы. Но я сдержалась — сейчас нельзя было давать волю слабости.

— С торгового судна видели, как корабль Карла захватили пираты, — настойчиво продолжила я. — Да, я знаю: пираты редко оставляют кого-либо в живых. Но это все, что известно наверняка — только факт захвата. Карл мог спастись, мог укрыться, мог оказаться за бортом до взрыва... Есть столько вариантов! Прошу вас только об одном: помогите увезти миссис Норрис из города, пока правда не станет общеизвестной. Это совсем немного. У вас есть прекрасный племянник — Уэйн. Он справится с церковными делами и прихожанами.

Я перевела взгляд на брата. Уэйн, встретившись со мной глазами, твердо кивнул.

— У Даманы праведные намерения, отец, — произнес он уверенно. — Доверься ей. Она знает, что делает.

— Ты любишь Карла и веришь в то, что он жив, — медленно произнес отец Флетчер. — Но что еще движет тобой? Что дает тебе такую уверенность?

— Карл — это моя жизнь, — ответила я, не колеблясь. — Если бы он ушел навсегда, я бы это почувствовала. Святой отец, — я прижала ладонь к груди, — я сердцем чувствую: он жив и обязательно вернется.

— Если он вернется, — задумчиво продолжил крестный, — ты поверишь в Бога? В то, что Он не покинул тебя, что провел через это испытание?

Я на мгновение замерла. В его взгляде читалось: от моего ответа зависит его решение. Но я не могла лгать — ни ему, ни себе.

— Верить в то, что Карл жив, мне помогают не молитвы, а сердце. Карл вернется, и единственное, во что я поверю, — это в силу человека. Если нет, то тогда для меня больше ничего не существует. И в первую очередь Бога...

Отец Флетчер глубоко вздохнул, поднялся со скамьи и на мгновение замер, устремив взгляд на высокие шпили церкви. Он неторопливо перекрестился, что-то прошептал про себя и прижал губы к серебряному кресту на груди. Затем подошел ко мне — в его глазах читалась смесь печали и уважения.

— Ты могла бы солгать мне, Дамана Брустер, — произнес он негромко, но твердо. — Но ты выбрала правду, пусть и горькую. Это говорит о твоей честности — а значит, тебе можно доверять. И помни: когда ты поверишь в силу человека, знай, что эту силу нам даровал Господь.

— Я это знаю и не отрицаю Его заслуг. Но таких тяжелых душевных мук я не заслужила. Вы сделаете то, о чем я вас прошу?

— Твоя искренность сегодня сыграла тебе на руку, дитя мое.

— Благодарю вас, крестный, — с облегчением произнесла я. — Я вам бесконечно признательна.

Святой отец собрал вещи и опять вышел на улицу. Мы двигались к кебу, который должен был отвести крестного к миссис Норрис.

— Дамана, но скажи мне, что я должен сказать твоей свекрови. С тем учетом, что врать я не собираюсь.

— Не надо врать, крестный, вам не к лицу, — я легко улыбнулась, ведь чуть смягчилась, когда он согласился помочь мне. — Миссис Норрис всегда с таким воодушевлением слушает ваши рассказы о паломничествах в святые места... Почему бы на этот раз не предложить ей отправиться в путь вместе с вами? Мистер Леджер предоставит вам надежный приют и передаст конверт — в нем будет адрес дома и список намоленных мест, которые стоит посетить.

Аббат посмотрел на меня чуть нахмурившись, видимо, удивляясь, как я придумываю такие вполне правдивые вариации даже в самых роковых ситуациях. Но, несмотря на это, он кивнул, пусть и был недоволен:

— Сначала, по просьбе твоей матери, я хоронил тебя, Дамана, хотя ты была жива, — произнес отец Флетчер с горечью. — Теперь мне предстоит скрывать от несчастной женщины правду о гибели ее сына...

— Отец Флетчер, верьте мне. Все равно, если что, я буду виноватой во всем.

— Мне должно стать легче от этого?

— Ирония? — улыбаясь, спросила я, когда крестный садился в кеб. — Никто не виноват. Все будет хорошо. Мистер Леджер, прошу вас сесть в кеб, — обратилась я к дворецкому. — Мне нужно, чтобы вы выполнили одно важное поручение.

— Я весь внимание, графиня.

Именно таких людей я особенно ценю: в тяжелые минуты они не тратят время на пустые разговоры и не ставят под сомнение мои решения. Я благодарно улыбнулась и четко изложила план:

— Пока крестный будет беседовать с миссис Норрис, вам нужно незаметно подняться на второй этаж. Найдите первую или вторую дверь справа. Там вы встретите Кейт или Эмму — объясните им сложившуюся ситуацию и заручитесь их поддержкой. Они помогут убедить миссис Норрис отправиться в паломничество вместе с аббатом.

— Я все понял.

— Отправляйтесь, и удачи вам!

Они уехали, а мы с Уэйном и Стефаном остались стоять на пустынной улице. Только сейчас я обратила внимание на то, как погода отражала состояние моей души: бледное солнце тщетно пыталось пробиться сквозь плотную пелену тумана, окутавшую город. Однако с солнцем бороться сложно.

— Спасибо за помощь, — поблагодарила я Уэйна, удивленная тем, что именно он меня поддержал, а не более либеральный крестный.

— Я знаю, какое место в твоей жизни занимает Карл, — мягко ответил Уэйн. — Это многое объясняет. И если ты права в своей уверенности, то ты совершишь поистине благой поступок, спасая миссис Норрис от удара.

— Ты неправ только в одном, — я резко погрузилась. — Слово «если» здесь неуместно.

Наступила пауза. Мужчины переглянулись, не зная, что сказать. Я почувствовала их замешательство и решила избавить их от неловкости:

— Я хочу вернуться домой, — тихо произнесла я.

— Я с радостью вас отвезу, — тут же отозвался принц Стефан.

— Еще раз благодарю тебя, Уэйн. До встречи.

— До свидания, Дамана. Береги себя, — тепло ответил он.

Мы уселись в карету, и я вновь погрузилась в молчание, оставшись наедине со своими тревожными мыслями. Я отчетливо чувствовала, что Стефан хочет что-то сказать, но колеблется. Он бросал на меня осторожные взгляды, словно пытаюсь прочесть мои чувства.

Наконец, не выдержав тишины, принц мягко произнес:

— Дамана, скажи, как я могу тебе помочь? Что я могу сделать, чтобы облегчить твоё бремя?

— Ничего не надо. Спасибо.

— Если хочешь, я могу остаться, чтобы поддержать тебя.

— Не стоит. Пойми меня правильно: не сейчас... Я хочу побыть одна.

— Да, хорошо. Но завтра я заеду к тебе. Ты не против?

Я кивнула. И на этом разговор закончился. Я понимала, что никого не хотела видеть. Однако еще раз извиниться перед Стефаном мне это не помешало. И принц смог войти в мое положение.

По дому, видимо, пронесся слух, что я не в духе. Меня встретила только моя служанка с испуганными, но в то же время скорбящими глазами. Она мне что-то предложила, я отказалась, поднялась на третий этаж.

В своей комнате я остановилась у шкафа, где хранились вещи Карла. Аккуратно сложила его рубашку, пиджак, сложила в стопку галстуки. Он взял с собой совсем немного — словно ненадолго собрался в дорогу. А люди уже поставили на нем крест... Но почему? Я не понимаю. Подумаешь, что там могли видеть торговцы... Паниковать не нужно до седьмого числа.

В памяти всплыли слова принца: «Численное превосходство...»

Что это значило? Что все солдаты покорно сложили оружие и сдались на милость пиратов? Или все же они сражались до последнего? Второй вариант был куда больше похож на

моего Карла. Он не из тех, кто сдаётся без боя. Он боролся — я знала это так же точно, как то, что солнце встает на востоке.

Долгое, мучительное время я просидела в кресле, погруженная в водоворот противоречивых чувств. Вспоминала наши с Карлом разговоры, представляла его лицо, волновалась за его судьбу, ненавидела тех, кто мог причинить ему вред, любила его так сильно, что боль становилась почти физической. Эти мысли кружились в голове, как метель, не давая покоя.

Но вдруг тихий стук в дверь прервал мои терзания. На пороге стоял мистер Леджер — в его глазах читалось облегчение: миссис Норрис согласилась уехать из города. Кейт и Эмма были опечалены известием о Карле. Но, как я и предполагала, подключились и помогли моему крестному. Кейт и Эмма по-женски могли посоветовать домохозяйке хотя бы раз в жизни отдохнуть от хлопот и позволить себе набраться впечатлений.

Я почувствовала, как камень, давивший на грудь, чуть сдвинулся. План сработал. По крайней мере, миссис Норрис в безопасности.

— Мистер Леджер, — спросила я, — вы случайно не видели мистера Ричардса дома?

— Нет, миледи, — коротко ответил дворецкий, слегка помедлив.

— Благодарю вас. Вы мне очень помогли. Можете быть свободны.

Дворецкий не двинулся с места.

— Миледи, когда вам подать ужин?

Я невесело усмехнулась и устало подняла глаза на своего верного слугу.

— Дорогой мистер Леджер, — произнесла я мягко, — неужели вы думаете, что сейчас я способна думать о еде?

Мистер Леджер нахмурился, сделал шаг вперед и твердо сказал:

— Простите за настойчивость, но я боюсь, что, если вы не поедите сейчас, пока в вашем сердце еще живет надежда, то позже, когда она угаснет, вы вовсе откажетесь от пищи. А этого допустить нельзя.

Я вздохнула.

— Вы очень добры и заботливы, мистер Леджер, — сказала я искренне. — Вы всегда были таким и останетесь. Это, пожалуй, единственное, что кажется незыблемым в этом мире. Но есть вещи, которые не вечны... Одна из них — человеческая жизнь.

— Такие слова пугают меня, Ваше сиятельство, — тихо произнес дворецкий.

— Не стоит бояться, — я постаралась улыбнуться. — Я чувствую себя неплохо, просто есть не хочу. Ступайте, мистер Леджер.

Дворецкий низко поклонился, но в его взгляде читалась тревога. Он неохотно вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Мне же стало любопытно, где Питер и почему он еще не появился дома. Видимо, Салли пока не знала о слухе, вряд ли она смогла стать столь безразлична к Карлу. А если да, то лучше бы Бог забрал ее. Хотя это я зря думаю, ведь Питер ее любит. Ему не стоит переносить страдания, которые сейчас достались мне.

Я покачала головой, вспомнив, как сегодня повела себя по отношению к Питеру. Будто он брал меня силой все это время. Я должна принять часть ответственности и устыдиться, но все равно пока что была готова только обвинять его. Питер как мужчина обязан был проявить волю и отступить от меня. Лучше скулить от неразделенной похоти, чем оплакивать истинную любовь в стыде от измены.

Стоило мне подумать о Питере, как он постучал в дверь моей комнаты. Он выглядел искренне потрясенным: привычные плавные движения сменились резкой жестикуляцией, а речь стала сбивчивой и чересчур оживленной.

Увидев сейчас Ричардса, я впервые не испытала к нему никаких чувств. И даже в этом была готова его винить. Не позволил бы он мне к себе приблизиться, то его дружеская поддержка сейчас пришлась бы как нельзя кстати.

Мне стало ясно: я сохраняю внешнее спокойствие не ради того, чтобы спрятать свои чувства, а чтобы не тревожить окружающих. Карла любили многие — его внезапная пропажа наверняка заставила их сердца сжаться от тревоги. Наверное, они боялись даже представить, что происходит у меня внутри. На их месте я бы не выдержала вида такой боли в глазах близкого.

Питер вошел в комнату, сел на кровать. Между нами оставалось около трех метров — именно на таком расстоянии нам приходилось разговаривать. Оно казалось мне безопасно и невинно.

— Прости за вторжение, — сказал Питер. — Я не находил себе места... Долго сомневался, стоит ли приходить сюда, разрывался между желанием увидеть тебя и страхом помешать. В конце концов решился — просто хотел узнать, как у тебя дела.

«Глупая фраза», — думала я.

— Миссис Норрис уже уехала?

Я кивнула и дала ответ:

— Мистер Леджер сказал мне. Почему тебя не было дома?

— Потому что я боялся смотреть в глаза миссис Норрис.

— Значит, и ты похоронил Карла?

— Дамана, твоя надежда объяснима. Но, раз уж на то пошло, почему ты сидишь в темной комнате, бледная как смерть, срываешься на всех и отказываешься от еды, если веришь, что Карл жив?

Я попыталась улыбнуться — вышло скорее горько, чем добродушно.

— Да, наверное, это глупо, — тихо ответила я. — Просто... раньше у меня была опора: я знала, что Карл вернется седьмого числа. А теперь не знаю, когда ждать возвращения... Неизвестность хуже адской бездны, в которую я когда-нибудь упаду.

Питер на мгновение замер, словно мои слова заставили его по-новому взглянуть на ситуацию. Он тяжело вздохнул:

— Мне так жаль, Эли...

Я поспешила перебить его, чтобы не заводиться:

— Питер, ты скажешь мне так, когда мы все-таки будем хоронить Карла. Хорошо? Договорились?

— Да, я понял.

Мы сидели в тишине. Пит пришел помочь мне, но как — не знал. Но мне ничего не было нужно. Он внимательно смотрел на меня, а я избегала его взгляда. Он, конечно, все понимал. И, кажется, его больше волновало не горе по Карлу, а то, не угасло ли мое чувство к нему — или хотя бы то, что моя холодность лишь временная реакция.

— Дамана, нам надо поговорить о произошедшем, между нами, сегодня.

Голос Питера звучал неуверенно. Это меня так разочаровало! Где его красивый тембр? На бильярде или на диване оставил? Сходи, поищи, а потом возвращайся. Может, я и выслушаю тебя! Хотя в чем Пит виноват?! Я схожу с ума, дорогой читатель! Зачем я так злюсь на него, неужели мне от этого легче?

Я интенсивно мотала головой, поджав губы до боли, но все же проговорила:

— Нет, замолчи!

— Дамана, все произошедшее никто не мог предвидеть...

«Целомудрие это давно предвидело», — рыдала я внутри себя. Внешне же лишь продолжала качать головой и повторяла слово: «нет». Питер что-то говорил, но я уже не слышала — гнев застилал разум. Наконец, не выдержав, я резко выкрикнула:

— Уйди! Уйди от меня!

«Вот что надо было сказать несколько лет назад, — жалила я сама себя мыслями. — А сейчас-то уже что?..»

— Эли, — мягко начал Питер, — послушай...

— Уйди вон! — выкрикнула я, но тут же, обессилев, добавила тише: — Прошу. Сейчас не время об этом, Питер.

Он с печалью выдохнул, некоторое время смотрел на меня, даруя возможность по горячему следу выяснить — кто мы теперь друг для друга. Но, очевидно, я сейчас непреклонна и неменяема, поэтому Питер уступил. Он склонил передо мной голову и молчаливо покинул мой дом. Сейчас же я была готова окончательно потерять его из своей жизни, если это вернет мне Карла.

Мистер Леджер принес мне чай и велел съесть немного шоколада: он успокаивает. Молча смотря на этот набор, я попросила сигарету и бутылку виски. Дворецкий не возразил. Ведь мой вариант успокоения был не хуже...

Раньше я мечтала видеть сны. В эти ночи я мечтала хотя бы закрыть глаза. Мне не спалось. Лежа на спине, я часто смотрела на половину кровати, где спал Карл. В полутьме мне даже показалось, что я вижу его силуэт. Может, это был его дух?.. Но нет: кто-то дал мне знак, что я должна его ждать. Карл не умер, он жив и едет ко мне. Эти слова я повторяла словно заклинание всю долгую ночь.

Вне времени

Дни оказались тяжелыми, утомительными, изнуряющими. Я пыталась присутствовать на совещаниях, но была только телом. Сознание мое с каждым днем все больше отдалялось.

Нельзя сказать, что я проснулась — ночь прошла без сна, но усталости я не ощущала. Механически умылась, бесцельно ходила по комнате: то смотрела в окно, то переставляла цветы с места на место, словно это могло что-то изменить. Мне предложили завтрак и чай, но есть и пить я не хотела.

В тот же день ко мне пришли Том, Дженни и Пэт. Я попыталась рассказать им, что чувствую, но слова давались с трудом. Дженни плакала навзрыд, по-детски беспомощно. Пэт изо всех сил сдерживала слезы, но когда я обняла Дженни, чтобы успокоить, она вдруг резко отвернулась и вышла. Вернулась Пэт спустя несколько минут — глаза покраснели, но она старалась держаться. Том выглядел измученным: он то и дело тяжело вздыхал, качал головой, словно не мог поверить в происходящее. В какой-то из дней приехал Стефан. Наш разговор длился не больше пятнадцати минут — он был кратким и неловким.

Друзья передали, что Дэвид написал Тому из казармы: 7 июня он получит отгул на два дня и хочет приехать ко мне. Эта новость шелохнула во мне радость.

Чувства Тома и его тоска по другу не имели границ. Он дважды начинал плакать, но всегда собирался с духом и извинялся за слабость. Но ему стыдиться нечего, ведь мы ему близкие. Том похвалил меня за заботу о миссис Норрис:

— Ты правильно сделала! Пока еще до конца неизвестно, не стоит ей знать.

Эти слова мне были необходимы и очень важны.

Иногда заходил Уэйн. Я почти ничего не ела, но с ним мне удавалось проглотить несколько ложек каши — мучительно, через силу. Потом я выпила чашку чая, и дворецкий, заметив это, едва заметно улыбнулся. Невольно вспомнишь шет Вивекананда Шарма, который после смерти моей бабушки потерял вкус к жизни...

«Будь проклято это проклятие Брустеров!» — мысленно выругалась я, чувствуя, как внутри снова закипает отчаяние.

Когда же другие, в том числе и друзья, настаивали на том, чтобы взяла еще еды, я измученным голосом отвечала, что мне кусок не лезет в горло, и натиск прекращался.

В очередной день Том, Дженни и Пэт начали одеваться, и вновь прозвенел колокольчик. Я иронично вздохнула, чувствуя себя врачом на домашнем приеме, и пошла открывать. На пороге стояли Смиты и Брауны — друзья и бывшие соседи сменяли друг друга, как в бесконечном потоке соболезнований.

Мы сидели в гостиной и беседовали на разные темы. Нас прервал дворецкий, который вошел и произнес мое имя. Не знаю, что на меня нашло, но настроение резко упало, и я грубовато произнесла:

— Кто там еще?

Дворецкий молча протянул мне письмо.

— Наверное, тебя, — заметил мистер Браун, — все эти визиты утомили?

Я заставила себя улыбнуться:

— Нет, вовсе нет. Просто... неважно. — Я развернула конверт. — Это от моего родственника, пандита Вишну Шарма. Я вам о нем рассказывала. Как раз недавно вспоминала его брата... — проговорила я под нос. Далее говорила привычно. — Он сейчас не общается ни с кем из семьи — никто не поддержал его в трудную минуту. Но меня, по крайней мере, такие сложности минуют.

Проводив соседей, я направилась в кабинет, чтобы прочесть письмо. Оно оказалось кратким, но многозначительным:

«Уважаемая Дамана Брустер!

Я надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, зачем вы это взяли...»

Мне стало жарко от того, что меня рассекретили. Но я взяла себя в руки и сочинила ответ. Я в глаза лгу с завидной легкостью — что стоит написать письмо? Сделала вид, будто он в очередной раз обвиняет меня в каком-то злословии. Чем наверняка поставлю в неловкое положение, и мой собеседник будет вынужден призадуматься об уместности подозрений. Намекнула, что отправителю стоит внимательнее присматривать за своей прислугой. Я постаралась придать письму искренний тон — кажется, получилось убедительно. В конце я, как ни в чем не бывало, спросила, как дела у Вишну. Я же не могла знать, сколь серьезно его обвинение...

В последующие дни визиты не прекращались. Шестого числа я велела дворецкому никого не впускать. Мистер Леджер вежливо сообщал каждому, что я отдыхаю. Единственным исключением стал король — но и с ним я «встретилась» лишь письменно. Эгберт прислал слова поддержки. Написал, что из-за нападения пиратов потерял хорошего капитана и верного друга, то есть посла. А также отважных моряков.

Я допивала виски и курила очередную сигару. Этой ночью я не могла усидеть на месте — металась по комнате, то подходя к окну, то возвращаясь к камину. Тревога сжимала грудь. Завтра — решающий день: Карл должен прибыть в столичный порт днем или ближе к вечеру. Радость от предстоящей встречи тут же сменялась страхом: что, если он не приедет? Я пыталась отогнать эту мысль, но она возвращалась снова и снова, заставляя вздрагивать, будто по мне муравьи ползали.

7 июня 1775 года. Четверг

Я снова не сомкнула глаз. Но, собрав волю в кулак, привела себя в порядок: умылась, приняла ванну, тщательно оделась и спустилась вниз. Дворецкий бросил на меня удивленный взгляд:

— Вы куда-то собираетесь, миледи?

— Да, — я не смогла сдержать широкой улыбки. — Сегодня Карл возвращается!

Радость переполняла меня, но мистер Леджер словно услышал в моих словах что-то тревожное. Его лицо помрачнело, улыбка исчезла. Он помолчал, опустил взгляд, затем снова посмотрел на меня:

— Я распоряжусь насчет кареты.

— Да, спасибо. Но сначала... я вдруг поняла, что ужасно голодна. Пожалуйста, попросите на кухне что-нибудь приготовить. Я пока подожду в кабинете.

Не рассчитав сил, я съела чуть больше, чем вчера. После села в карету и поехала к порту. Я предчувствовала победу и подтверждение своей правоты!

На месте я была в три часа дня. Примерно в это время они отплыли, а значит, скоро должны вернуться.

На улице было жарко. Несколько раз я заходила в таверну, попить воды и остудиться. Часы потеряли смысл — я просто ждала: сначала с надеждой, потом со страхом, а в итоге с отчаянием...

После пятого стакана воды до меня дошло: прошло слишком много времени. Раньше мне хватало порции на целый час, а теперь вода не приносила облегчения. К вечеру тревога стала невыносимой, но я не решалась спросить, когда прибудет корабль Томаса Джеффа. Вряд ли я получу ответ, который жду. Уже все королевство накрыла новость о гибели всего экипажа корабля. Ее официально подтвердили. Это была самая обсуждаемая тема дня. И меня могли счесть сумасшедшей: ведь я жду прибытия захваченного корабля...

За шесть часов в порт вошли два судна, но ни одно не соответствовало описанию, которое дал мне принц. Но все равно я надеялась на то, что именно этот корабль спас моего Карла. Но никто не откликнулся на королевское и благородное имя, которое я каждый раз выкрикивала с надеждой и любовью. Со стороны, наверное, с меня можно было писать душераздирающую картину. В глубине души я понимала, насколько я безнадежна, но вера не унималась во мне.

«Карл жив! Он плывет ко мне» — заклинание оседало в голове без каких-либо противоречий.

Каждый раз я отходила обратно и наблюдала, как встречающие радуются прибытию родных. Я еще надеялась увидеть Карла, ведь день еще не закончился... А сердце все больше становилось похоже на камень...

Отчаяние сжимало горло, но слез не было. Я даже пыталась заплакать — ведь это могло бы облегчить тяжесть внутри, выпустить наружу страх и боль. Но глаза оставались сухими, а комок в горле лишь становился все ощутимее.

Около шести вечера я зашла в дамскую комнату. В зеркале отразилось мое лицо. Я бы не сказала, что плохо выглядела. Но глаза выдавали все: в них читались страх и напряжение. Ни тени радости, но где-то глубоко внутри еще теплилась надежда.

Когда часы пробили десять, я грызла ногти и кусала губу. С каждой минутой дышать становилось тяжелее. Ко мне несколько раз подходили люди, спрашивали, не нужна ли помощь, но я лишь молча качала головой. Во мне уже узнавали Даману Брустер, и можно только представить, какие слухи пойдут о моем здравомыслии. Но репутацию хранительницы памяти о любимом я себе обеспечила.

Я даже не могу сказать, о чем думала на причале. Иногда казалось, что я просто бестелесный дух, который заблудился между адом и грешной землей. Я стремилась к Царству Небесному, но складывалось впечатление, что от геенны огненной меня никто не спасет.

Никогда в жизни я ничего подобного не испытывала. Я качалась взад-вперед, словно у меня что-то болело: движения помогали притупить боль. Многие, наверное, так делали. За семь часов я не дождалась одного этого мига, который мне был необходим, как спасение. Мое дыхание было обрывистым, как у плачущего, который не может остановиться.

Около одиннадцати я вдруг услышала позади знакомый, встревоженный голос:

— Вот она!

Ко мне подбежали Дэвид и Питер. Их появление отозвалось в душе слабой искрой радости. Дэвид опустился на корточки рядом со мной, Питер сел на скамейку поблизости. Оба тяжело дышали и, взглянув на меня, обменялись тревожными взглядами. Я не спала уже несколько дней, почти ничего не ела и отчетливо ощущала, как ледяные мои руки дрожат. Сквозь усталость я попыталась улыбнуться друзьям. Дэвид бережно взял мои ладони и начал целовать их одну за другой, Питер же не отрывал от меня полного беспокойства взгляда.

Должна заранее сказать, что во время нашего разговора я поняла, что, пожалуй, тронулась умом. Но когда именно, не помню.

— Просто сегодня мне не повезло, — сказала я.

Дэвид усмехнулся:

— Никому из нас.

— Он завтра вернется. Верно?

Дэвид замер, не зная, что ответить. Он помолчал, подбирая слова, и наконец произнес:

— Но здесь мы его ждать не будем.

Тогда я ухватилась за эти слова как за подтверждение своей надежды, хотя теперь понимаю: он не давал никаких обещаний.

— Почему? — спросила я, словно испуганный ребенок.

Питер мягко погладил меня по спине, пытаясь успокоить, а Дэвид тихо ответил:

— Уже поздно, Дамана. Нам нужно ехать домой.

— А если он приедет в половине третьего ночи? Это всего через четыре часа! Давайте останемся и встретим его? — говорила уже не я, а мое сумасшествие.

— Дамана... — начал Питер, и я резко подняла на него глаза. Он заметил, как я растерянно блуждаю взглядом, не сразу находя его лицо. Питер терпеливо дождался, пока я сосредоточусь на нем. В его глазах читался неподдельный страх и привязанность наших особенных чувств. Я их разглядела, и внутренний голос подсказал мне, что я еще не до конца уничтожена.

— Здесь можно находиться только до одиннадцати, — пояснил Пит. — Потом всех просят уйти.

— Но это же всего через полчаса! — я схватила его за руку. — Друзья, прошу, давайте останемся еще ненадолго.

Молодые люди переглянулись, и Дэвид огласил их немое решение:

— Хорошо, но только потом мы увезем тебя отсюда, а ты не будешь сопротивляться. Обещаешь?

— Да, конечно, — с неестественной легкостью согласилась я.

Дэвид еще раз поцеловал мне руку и сел слева от меня. Над нами светила луна. Помолчав, я сказала:

— Помнишь, Пит, как мы познакомились?

Питер поднял глаза к луне, словно ища в ней ответы, и кивнул:

— Да, помню.

— Ты тогда произвел на меня сильное впечатление. Неповторимое, Пит... Дэвид, а ты помнишь, как мы познакомились?

Он кивнул, и я продолжила:

— Ты был великолепен. Впрочем, как и сейчас. За все чувства, что были в моей жизни, я благодарна только Карлу. Ведь если бы не он, я бы не узнала вас... Да я бы и жизни не познала. Не то что любви...

Питер на этих словах сжал губы до боли, стараясь вдохнуть без злобы и обиды. А Дэвид всегда многое понимал без доказательств, но умел молчать, не из слабости... Слабость — это вообще не о Дэвиде. А из способности понимать меня больше остальных. Дэвид и Питер молчали. Они словно чего-то боялись, но не говорили об этом. Они не знали, что со мной делать. От страха они тревожно выглядели.

— Многие ему обязаны, — продолжила я. — Вы согласны?

— Да, — ответили они хором.

— Если многие обязаны Карлу, то почему большинство предпочло сразу же похоронить его, а не ждать и надеяться?

Они знали ответ — «Смерть Карла от руки пирата вполне правдоподобна», — но не решались произнести его вслух. Я не стала настаивать и поспешила сменить тему:

— Вы знаете... Я ожидала увидеть здесь кого угодно, но никак не вас двоих вместе. Вы же не ладите друг с другом?

Я говорила медленно, неестественно, будто была пьяна.

— Мы просто... — начал Питер, подбирая слова, — одновременно оказались у твоего дома. Случайность, ничего больше. Мистер Леджер впустил нас, и мы решили подождать.

— Час прошел, — подхватил Дэвид, — потом второй, а тебя все не было. Мы приехали сюда. Люди говорили, что видели тебя где-то поблизости, но никто не знал, куда ты подевалась. Тогда мы отправились в общежитие — там тебя тоже не оказалось. Вернулись к дому — тебя нет. И снова сюда...

— Я здесь с трех часов, — тихо произнесла я.

— С трех часов? — изумился Питер. — Эли, ты, должно быть, ужасно проголодалась.

— Нет. Тут есть чудесная таверна, я там... пила воду. Но, к сожалению, он уже закрыт. Вы могли меня не найти, потому что я была либо там, либо в дамской комнате.

— В трактир мы заходили, — пояснил Дэвид.

Я вновь посмотрела на небо:

— Луна... Пока на небе нет Карла, она самое красивое явление. Знаете, что мне больше всего нравится в моем доме?

— Что? — спросил Дэвид.

— А тебе, Питер, интересно?

— Конечно...

— Вид из большого окна бального зала! Из него открывается прекрасный вид на полную луну, дневное солнце, смены сезонов. Что-то там есть... и не из нашего мира.

Они молча выслушали меня, не перебивая, с выражением сдержанного сочувствия. Пауза затянулась, и я вновь заговорила:

— Вы знаете, мне кажется, что Господь всегда умел хорошо шутить, особенно над человеком. Вот только человеку эти шутки кажутся жестокими...

Питеру явно понравились мои слова, а Дэвиду — не очень.

— Одиннадцать часов, нам пора ехать, — сказал он, вставая со скамейки.

— Я не хочу, — закапризничала я.

— Ты обещала, — напомнил Дэвид.

— Ах, да! Тогда надо ехать. Надо ехать...

Питер поднялся и, будто опасаясь, что я вот-вот потеряю равновесие, осторожно, но крепко взял меня за руку. Я шла ровно, но мысли путались — я едва понимала, куда направля-

юсь. Усталость, голод и напряжение последних дней окончательно подкосили меня. Наверняка со стороны я выглядела так, будто выпила лишнего.

Внезапно меня пронзило осознание: вот так же, должно быть, чувствовала себя мама. Герцог Роберт Блек причинил ей страдания — возможно, куда более страшные, чем те, что выпали на мою долю... Он обязан умереть, скотина! Ненавижу! И он умрет от моей руки...

Обратная дорога до усадьбы показалась короче, чем путь к порту. У ворот Питер рассчитался с кучером, а Дэвид бережно помог мне выбраться из кареты — я едва держалась на ногах, цепляясь за его руку. В доме нас уже ждали дворецкий и служанка. Меня поспешили проводить в спальню и тут же предложили снотворное. Я сопротивлялась, пока Дэвид не взял меня за руки и не сказал тихо, но твердо: «Дамана, тебе нужно отдохнуть». Только тогда я согласилась принять лекарство.

Служанка помогла мне снять платье, и я, едва переставляя ноги, опустилась на постель. Когда она выходила, дверь осталась приоткрытой — сквозь щель до меня доносились голоса дворецкого, Питера и Дэвида.

— Дамана совсем не похожа на себя, — тревожно произнес Питер.

— На пароме она говорила какие-то странные вещи, — подхватил Дэвид. — И вид у нее... словно она потеряла связь с реальностью. Я боюсь за нее. Как она здесь, мистер Леджер?

— Господа, — отвечал мистер Леджер. — Леди Брустер — сильная женщина, через многое прошла.

— Эта сильная женщина еще сильно упряма, — кивнул Питер. — От своего не отступит. Будет ждать Карла, сколько бы ни прошло времени.

— Я и сам слышал кое-что тревожное, — добавил дворецкий, понизив голос. — Графиня как-то обмолвилась, что без Карла ее жизнь потеряет всякий смысл. Нам просто надо окружить ее заботой.

— Допускаете, что она может наложить на себя руки? — сомневался Дэвид.

— Дамана и самоубийство? — иронизировал Питер. — Нет, не верю. Она слишком любит жизнь, а не ее смысл. Но... — он замолчал на мгновение, — прежней Даманы мы, пожалуй, больше не увидим.

«Пит, как же ты меня чувствуешь... Даже когда я тебя обидела,» — думала я про себя, когда он цитировал мой девиз. Мне так и хотелось выкрикнуть, не только ему, но и остальным, что со мной все будет хорошо. Карл вернется, но мне был любопытен этот разговор, и я не стала их перебивать.

— Джентльмены, — тихо произнес мистер Леджер, — я тоже не на шутку обеспокоен. Ее сиятельство почти не притрагивается к еде, едва пьет воду. Глаза красные, видно, что не спала толком. К тому же, — он понизил голос, — выкурила слишком много на пустой желудок и виски пьет стаканами.

— Да, ее состояние говорит об этом, — согласился Дэвид. — Возможно, ее странное поведение и объясняется усталостью?

— Завтра станет яснее, — сказал Питер. — Сейчас ей нужен покой. Дэвид, останешься на ночь? Так будет спокойнее.

— Если это будет удобно, — ответил Дэвид.

— Мистер Леджер, — обратился к дворецкому Питер, — Дэвид — давний и верный друг Даманы. Позвольте ему остаться здесь, в соседней комнате. Так всем будет спокойнее.

— Хорошо, — согласился дворецкий. — В ее бывшей детской. Я распоряжусь, чтобы приготовили постель.

— Не беспокойтесь, — заверил Питер. — Леди Брустер не станет возражать.

«Конечно, не стану»...

Дверь в мою комнату так и осталась приоткрытой, но голоса постепенно стихли — мужчины разошлись, тихо попрощавшись друг с другом. Снотворное подействовало лишь отчасти.

Едва я погружалась в сон, как тут же просыпалась от малейшего шороха. За ночь я просыпалась раз восемь или девять — точно не помню. Сон не хотел оставаться со мной.

8 июня 1775 года. Пятница

Я проснулась в шесть утра. И чтобы больше себя не мучить попытками отдыха, пора было браться за дела, хотя бы для того, чтобы отвлечься.

— Доброе утро, Дэвид.

— Дамана... — сонно отозвался он. — Что ты здесь делаешь так рано?

Я слегка пожалала плечами:

— Проснулась и решила не возвращаться в постель. Странно, что сегодня никто не явился на работу. Ты не знаешь, в чем причина?

Дэвид медленно пришел в себя, приподнялся и сел на кровати, не утруждая себя попытками прикрыть свой красивый торс одеялом:

— Мы с Питером решили, что сегодня вам лучше не работать.

Я улыбнулась:

— Последнее время Питер изобилует инициативами, — шутка была понятна только мне. — Забота — это всегда так трогательно.

Сама я сидела в кресле прямо напротив кровати. Я проснулась в сносном настроении и поэтому была настроена поболтать. К тому же, по сравнению со вчерашним днем, чувствовала, что почти выспалась.

— Наверное, я вас вчера жутко напугала?

Дэвид протирал сонные глаза, потом посмотрел на меня:

— Можно и так сказать. Но сейчас вижу, что тебе лучше. Как ты спала?

— Как женщина, которая, возможно, лишилась любимого мужчины. Плохо...

— Дамана, вчера ты была совсем не похожа на себя, — мягко заметил Дэвид.

— Нет, — я перебила его, стараясь улыбнуться. — В день инаугурации я действительно была не в себе... А вчера просто переутомилась.

— Давно ты здесь?

Я неопределенно повела плечом:

— Около часа. Ты сладко спишь... На службе, наверное, такого не бывает?

— Нет, — коротко ответил он.

Я сама понимала, что странно себя веду, и пыталась войти в обычный образ, но, к сожалению, не получалось:

— Дэвид, послушай. Возможно, я сейчас похожа на сумасшедшую, но я все еще вполне нормальный человек. Просто мне страшно и дико... Без Карла... Но за то время, что я смотрела на тебя, пока ты спал, я кое-что поняла.

— Что? — с неподдельным интересом спросил Дэвид.

— Вчера я зря так себя вела. Не надо было отчаиваться. Ведь известно, что корабль захватили пираты...

Дэвид кивнул в знак того, чтобы я продолжала.

— И я пришла к выводу: вполне разумно, что Карл задержится в пути из-за нападения. А это значит, что он вернется со дня на день.

Я развела руками, как бы показывая, что дошла до простейшей вещи, над которой все ломали головы, а я одна догадалась.

— Дамана, — печально заговорил Дэвид. — Твоя верность и любовь к Карлу вызывают уважение. Но на тебя больно смотреть, когда ты не готова принять правду.

— Дэвид, Карл вернется. Запомни это!

Я встала с кресла, дружелюбно улыбнулась и добавила:

— Просыпайся, умывайся и спускайся. Тебя покормят.

Я начала уходить из комнаты, чтобы не смущать гостя. Дэвид спросил:

— А ты?

— Нет... Я не хочу есть. Буду в кабинете, заходи.

Дэвид не отходил от меня весь день. Он то соблазнял меня сладостями, то предлагал яблоко. В итоге, по-моему, я его сама и съела.

До обеда я металась как на иголках, ожидая желанного гостя. Карл все не появлялся. Я то и дело подходила к окнам и с мечтой вглядывалась в улицу. Могла застыть у стекла на долгие минуты, но с каждой секундой тяжесть в груди нарастала, а надежда была все более призрачной.

Голод настойчиво напоминал о себе. Я заставила себя сесть за обед: Карл, вернувшись ко мне, точно не одобрил бы мой озноб, головокружение и слабость в ногах. Есть было мучительно, порой даже больно, но я все же осилила тарелку супа и половину второго блюда. Мистер Леджер буквально светился от счастья.

В тот день даже преподаватели не пришли. Дворецкий известил их, что я не в состоянии заниматься. В эти минуты за меня решали все. Сопrotивляться не было сил — мне было плевать, лишь бы Карл вернулся.

Сердце екнуло, когда в дом кто-то позвонил. Но это оказались Том, Дженни, Пэт и Питер. Мы пошли в гостиную пить чай. Гости сидели, я ходила по комнате.

— Дамана, тебе удалось поспать? — не выдержал Питер.

— Да, немного.

Вновь прозвенел колокольчик. На пороге появился Стефан. Я провела его в гостиную и вновь представила гостям.

— Вы пришли с новостями? — спросила я, вглядываясь в мрачное лицо принца.

— Да, леди Брустер, — кивнул он.

Я сделала глубокий вдох, стараясь унять дрожь, и тихо произнесла:

— Тогда не томите, Ваше Высочество...

Все замерли в тягостном ожидании. Всем было ясно, что именно сейчас произнесет принц. Он явно не хотел говорить, но долг обязывал.

— Прибыли голуби с борта спасательного корабля, — произнес он глухо. — Новости неутешительны: захваченное судно не обнаружено. Найдены лишь обломки и останки тел...

Дыхание перехватило. Слезы подступили к глазам, но не проливались. Я прижала кулак к губам, резко отвернулась и отошла в сторону. С трудом сглотнув, спросила:

— Много обломков?

— Нет. Течение делает свое дело. Главным подтверждением стала доска с нашим гербом.

— А тел сколько?

— Семь.

— Почему их не унесло течением?

— Я не знаю, графиня... Еще нашли остатки формы матросов. Остальные, похоже, достались рыбам...

— Значит, некоторым семьям даже хоронить будет нечего?

Я обернулась к гостям, и, видимо, их удивило, что я еще держусь. Принц ответил кивком и добавил:

— Мне очень жаль.

Словно намекнул на то, что я — одна из таких семей.

По правде сказать, я не могла нормально выдержать эту новость. Я старалась сохранять спокойствие, но внутри бушевала буря. Надежда на спасение Карла пропала, но я не могла сдаться:

— Видимо, вы все думаете, что я буду хоронить Карла?

— Леди Брустер, — заговорил Дэвид. — Миссис Норрис должна знать.

— Пока что нет, — холодно ответила я.

— Миледи, — проговорил Стефан, подходя ко мне. — Карл Норрис был вам дорог, но вам нужно отпустить его.

Я впиалась взглядом в принца — остро, хищно, будто ястреб перед броском.

— Не собираюсь!

Я отошла, подняла голову, набираясь сил. Меня затрясло, сердце заходило, как никогда раньше. Я словно боролась со смертью. Резко обернувшись, я, почти срываясь, начала говорить:

— Здесь, в этом доме, слишком много вещей Карла. И чтобы ему уйти из моей жизни, он должен забрать эти вещи! Сам! Попрошавшись со мной! Пока этого не произойдет, Карл будет жить!

— Графиня, прошу, поймите... — начал Дэвид.

— Я все поняла, — твердо перебила я.

— А миссис Норрис? — подала голос Пэт, наплевав на субординацию в отличие от остальных. — Она его мать! О ней ты подумала?

Я сделала несколько решительных шагов к гостям и, глядя в глаза Пэт, ответила:

— В первую очередь.

— Представь, что она вернется в город, — предположил Питер, — и узнает, что ее сын погиб, да еще неделю назад! И все молчали! Дамана, это неправильно!

— Однако только я знаю, где сейчас миссис Норрис. А Карл жив, и он вернется.

Стефан шагнул ближе к гостям, словно открыто принимая их сторону. Я могла бы не тратить слова на убеждения — просто выгнать их из дома. Но в глубине души отчаянно хотела, чтобы хоть кто-то разделил мою веру.

— Графиня, напишите отцу Флетчеру о том, чтобы они возвращались, — попросил принц.

— Нет! — крикнула я. — Господи, нет! Что вам непонятно в этом слове?

Кто-то в отчаянии схватился за голову, не зная, как со мной справиться. Миссис Норрис было не найти — ее адрес знали лишь я и мистер Леджер, а он никогда не раскрыл бы его без моего позволения.

Я отчетливо осознала: в глазах этих людей я потеряла всякий авторитет. Отчаявшись, я бросилась исправлять положение:

— Я понимаю: вы, должно быть, думаете, что я лишилась рассудка от горя, — голос мой дрожал. — Но это не так, поверьте! Я не цепляюсь за иллюзии, не лелею ложную надежду. Я *чувствую*, что Карл жив. Я это *знаю*! Поверьте же мне!

Наступило молчание. Я на долю секунды отвернулась от гостей, словно набираясь мужества сказать следующее:

— Вы вообще можете представить, о чем меня просите? Нет! Вы говорите мне, чтобы я смирилась. Но вы не понимаете, как я слышу это предложение, вы даже не задумывались...

На шум в гостиную вошел мистер Джим Леджер. Он молча окинул всех взглядом — ему было все ясно, но вмешиваться он не стал: в этом не было нужды.

— Думаешь, ты единственная, кто пострадал из-за этой трагедии? — спросил Том, словно бросая мне вызов.

— Нет. Я знаю, что для каждого из вас Карл значит что-то особенное. Я вчера у Питера и Дэвида спросила: если мы все так обязаны Карлу и все его так любим, то интересно, почему мы так быстро его похоронили? Я понимаю, если бы вы это сделали только что, когда Его Высочество сказал, что нашли тела. Даже моя надежда уже еле уловима, но все еще жива! Не смейте говорить, что я эгоистична и думаю только о себе! Я знаю, кто для вас Карл! Я это понимаю и оберегаю ваши чувства! Но вы хоть раз задумались, что эта смерть значит для меня? Возможно, вы думаете, будто я привыкла хоронить родных и близких, но это не так! Для меня это еще не стало привычкой!

— Мы тебе говорим не об этом, — перебил меня Дэвид.

— Я поняла, что вы говорите, и я уже ответила!

— Графиня, — раздался успокаивающий голос Питера. — Что вы хотите нам сказать?

— То, что смерть Карла Норриса, может быть...

— Что, миледи? — спросил Питер. — Продолжайте.

— Произошла из-за меня, — ответила я.

В воздухе повисло тяжелое молчание. Вскоре его разорвал гул голосов — в нем смешались изумление, отрицание, недоумение. Я в отчаянии схватилась за голову и заметалась по комнате:

— Вы хоть на миг представьте, каково мне сейчас! Дэвид подтвердит — он не даст соврать. Помнишь, что я говорила тебе в путешествии? Помнишь?

Профт нахмурился:

— О дурном предчувствии...

— Вот именно! Оно не покидало меня! Я постоянно думала, будто произойдет что-то плохое! Видимо, так я и накликала беду на Карла! Из-за моих предчувствий это все произошло!

Все сразу же начали говорить, что в моих словах нет логики. Питер нервно ходил взад и вперед. Он единственный не отрицал мою теорию. Остальные меня успокаивали и говорили, что я не могла навлечь на Карла смерть.

— Значит, вы считаете это бредом? — с горькой иронией спросила я. — Тогда что скажете, если я предположу: Карла погубило проклятие семьи Брустер?

Гости тревожно переглянулись. Дэвид осторожно взял меня за плечи, заглянул в глаза и тихо спросил:

— Это пришло вам в голову из-за того индуса, что умер после кончины вашей бабушки?

— Ох, если бы только из-за него, Дэвид... — выдохнула я и высвободилась из его рук.

В этот момент вмешался Стефан:

— Миледи, никакого проклятия Брустеров не существует!

— Ваше Высочество, — проговорила я. — Другого объяснения нет...

Слава Богу, все знали легенду о проклятии. Поэтому мне не пришлось лишний раз никого ни в чем убеждать. Конечно же, все заговорили, что это проклятие — просто выдумка.

— А я считаю, что нет, — спорила я. — А теперь на долю секунды задумайтесь, о чем вы меня просите! Вы хотите, чтобы я смирилась, а значит, признала, что стала причиной смерти Карла... Да лучше бы мне не знать его и страдать от одиночества, лишь бы этот прекрасный человек жил! И тогда вы смогли бы наслаждаться его обществом... Как вы думаете, каково быть под таким грузом? Каково потерять родного? Когда я так его люблю...

Видимо, тогда друзья наконец осознали, что еще тяготит мою душу. Все разом умолкли, перестали сыпать советами. Никто не верил, что Карл жив — да и я сама уже почти утратила эту веру. Я просто упрямо шла к чему-то желанному, пусть и, возможно, давно несуществующему. Единственный, кто мне что-то сказал, это Дэвид. Он был очень мягок, но требователен:

— Пообещай лишь одно: сообщить миссис Норрис через неделю.

Мне не хотелось давать это обещание. Но, трезво взвесив все, я осознала: через семь дней сама окончательно поверю, что Карла больше нет. И хотя сердце противилось, я все же кивнула в знак согласия.

9 июня 1775 года. Суббота

Сегодня утром Дэвид должен был вернуться в часть. Мы позавтракали вдвоем, и я его проводила. Он попросил меня держаться и хотя бы изредка писать. Мне стало неловко, ведь я ни разу не писала ему раньше.

Я Дэвиду за многое признательна. Он был мудрым вожаком, знал, как себя вести, чтобы человек принял правильное решение, как влиять на собеседника. Но что особенно ценила я — он использовал этот дар лишь во благо или в тех редких случаях, когда требовалось устранить серьезную угрозу.

Весь день я ждала Карла. И с каждой минутой мне становилось все хуже. С каждой минутой я теряла надежду. Мне было сложно держать перо в руках, чтобы вести этот дневник... Да и не хотелось записывать эти кошмарные дни в тетрадь, где описана каждая минута, проведенная с Карлом.

Нелепо будет существовать без Карла. Возможно, если бы его не было в моей жизни, я бы не любила ее так, как сейчас. И нельзя говорить, что лучше бы я не знала Карла, чем подвергать его риску смерти от проклятия. Для меня очевидно одно: я хотела бы в этой жизни познакомиться с Карлом. Но я не хочу, чтобы он был в ответе за то, что связался с Брустерами. За знакомство с Карлом я готова умереть, но не согласна с тем, чтобы он взял на себя проклятие.

Как бесконечно долго тянется время... Как мучительно больно сжимается сердце при одной мысли о смерти любимого человека! Оно словно камнеет, теряя способность чувствовать. В эти мгновения я не ощущала одиночества — я была заперта в темнице собственной души. Вокруг все необходимое, но ничто больше не имеет значения. Жажда жизни пробудится лишь тогда, когда появится возможность жить по-настоящему.

Есть ли вообще смысл ждать? Зачем я продолжаю это делать? Ответ прост: я люблю Карла и не в силах его отпустить — даже перед лицом смерти. Пусть он уйдет к другой женщине, переедет в иной город, появятся дети... Все это я смогу вынести. Пусть будет больно — лишь бы не так невыносимо, как сейчас.

Возможно, мои мысли покажутся эгоистичными: будто бы Карл уже мертв, а я забочусь лишь о том, как буду жить дальше. Но это не так. В воображении встают картины: я вижу отчаяние на лицах близких, скорбь, безысходность... От этих образов я сама слабею.

Страшно представить, что случится с миссис Норрис, когда до нее дойдет страшная весть. Она уже потеряла одного ребенка... Неужели ей суждено пережить и второго? Нет, она не заслуживает такой участи! Никто из родителей не должен хоронить своих детей.

Да, возможно, я заслужила свои страдания. Но в чем провинилась моя вторая мать? За что Всевышний обрушивает на нее эту боль? Что совершила эта добрая, верующая женщина? Или Ему и вправду все равно? Желает ли Он видеть, как мучаемся мы с миссис Норрис? Разве такая жестокость оправдана? Если так, то разве сам Бог не становится грешнее всех нас, смертных, вместе взятых?

Меня можно наказать, но не нужно, чтобы это затрагивало других. Хотя расчетливость Господа достойна уважения! Я бы сама с трудом до такого догадалась. Он убивает Карла, я оказываюсь виновата в этом и еще должна смотреть в глаза матери человека, которого я погубила.

Какой бред! Карл жив... Но тогда где он? Он должен был вернуться два дня назад!

Ближе к вечеру я не могла ходить. После завтрака мне не хотелось больше есть. Казалось, что жизненные силы меня покидают. Я даже обрадовалась обморочному состоянию, я надеялась больше не проснуться. Но и уснуть я не могла. Я по несколько часов могла сидеть в одном положении, смотря в одну точку, в ожидании. А чего я ожидала, уже не знала... Зачем я это делаю?

Приступы паники и отчаяния накатывали волнами, грозя лишить рассудка. Мне чудился Карл: я слышала его голос, ловила отблески его силуэта в тени. Порой я готова была упасть на колени и молить любого из святых о помощи — или хотя бы о силах выдержать это ожидание. Но что-то внутри сопротивлялось: стоило лишь представить эту сцену, как все внутри меня восстанавливалось.

Приступы... Они обессиливали меня! Я хотела плакать и уже была готова к этому, но ни одна слезинка не упала из моих глаз. Ни одна... Каждая мелочь, каждая мысль уничтожала меня! Ближе к ночи каждая картина, которую рисовало мое воображение, меня пугала. Я резко вставала, садилась, меняла позы, словно отворачиваясь от тяжелой пощечины.

С наступлением ночи тьма окутала мою душу — густая, непроглядная, всепоглощающая. Мне хотелось кричать, бежать без оглядки, пусть даже по битому стеклу, чувствуя, как острые осколки вонзаются в ступни. Лишь бы избавиться от этого ледящего страха: что Карл никогда не вернется... Где же ты, Карл?

С трудом доковыляла до туалетного столика и взглянула в зеркало. Передо мной стояла та самая Дамана Брустер — девочка из приюта, всеми брошенная, одержимая жаждой мести. Она была сильна, и это хотя бы не вызывало жалости к ней. Но сейчас эта девочка из приюта в отражении потеряла власть и влияние. Я вглядывалась в свое лицо — и не узнавала себя. Как же жалко я выглядела...

Из груди вырвался стон. Я пыталась сдержать бурю внутри, но тщетно. Одним яростным движением я смахнула все с туалетного столика. Духи, зеркала, фарфоровые статуэтки — все с грохотом обрушилось на пол. Осколки стекла, хрусталя и фарфора разлетелись веером, бросая на стены дрожащие блики от свечей.

Затем я схватила вазу с тумбочки у комода и с размаху швырнула ее о стену. Сознание затуманилось — я уже не понимала, что крушу, что швыряю в сторону. Помню лишь, как облако пудры взметнулось в воздух и осело на мебели, на полу, на моих руках. Я кричала, изрыгая проклятия. Опрокидывала стулья, в клочья рвала подушки, осколком графина кромсала обшивку кресел. Наконец, вцепившись в волосы, я закричала во весь голос, рухнула на колени и несколько раз ударила кулаками о пол. Теплая кровь брызнула мне в лицо.

Я посмотрела на руки и увидела на тыльной стороне ладоней много осколков. Духи, что разлились на полу, попали в раны. Никогда в жизни я не была так благодарна боли. Жгло беспощадно, потекли слезы от боли. Хорошо, что мои крики не могли долететь до комнат прислуги. Они находились далеко, да и дом был слишком велик, чтобы кто-то услышал.

Собрав остатки воли, я поднялась и побрела к раковине, оставляя за собой кровавые следы. Пальцы дрожали, когда я брала пинцет и начинала извлекать осколки. Левая рука поддалась легче. С правой дело шло хуже — я ведь правша, и рука предательски дрожала, отчего я лишь глубже впивалась осколками в кожу. Впрочем, новая рана уже ничего не меняла.

Раковина покрылась багровыми разводами. Промыв раны холодной водой, я туго обмотала ладони полотенцами и вернулась в комнату. Только теперь я смогла оценить масштабы учиненного разгрома. Никто не должен этого видеть. Полтора часа я приводила комнату в порядок. Но эта работа лишь усугубила состояние рук — оба полотенца насквозь пропитались кровью.

Решив не рисковать, я поняла: нужно вызвать врача. К счастью, разум еще не покинул меня. Я направилась к мистру Леджеру.

Постучав в дверь его комнаты, я замерла в ожидании. Через мгновение послышались шаги, щелкнул замок.

— Вы закрываетесь на ключ? — спросила я, пряча за спиной окровавленные руки.

— Я мало кому доверяю, — отозвался он.

— Простите за беспокойство, но я не знаю ни одного врача поблизости.

— Что-то случилось? — в его голосе прозвучало беспокойство.

— Да... Я споткнулась о комод, случайно задела полку с духами. Флаконы разбились, и я... упала руками прямо на осколки.

Я показала руки. Мистер Леджер побледнел — мне даже показалось, что он вмиг поседел. Не теряя ни секунды, он бросился в спальню прислуги и велел Билли срочно бежать за врачом. Затем дворецкий бережно повел меня в ванную.

Там он осторожно снял окровавленные полотенца и, не скрывая ужаса, воскликнул:

— Когда это произошло? — голос мистера Леджера дрожал от волнения.

— Вы разве не слышали?.. — я запнулась. — Мой крик. Я думала, он разбудил весь дом.

— Простите, миледи... — дворецкий опустил взгляд. — Я ничего не слышал.

— Ничего страшного, — я попыталась улыбнуться. — Это случилось примерно полтора часа назад.

— Полтора часа?! — мистер Леджер не смог скрыть возмущения. — Раны до сих пор кровоточат! Почему вы сразу не обратились ко мне? — он осторожно промывал мои руки, стараясь не причинить боль.

— Комната пропиталась запахом духов, — объяснила я. — Я решила проветрить ее, а потом спуститься к вам. Но все крепко спали, и я решила сама убрать осколки. Кровь ненадолго остановилась, но потом снова потекла, и вот тогда я решила вас разбудить.

— Надо было прийти сразу! — в голосе дворецкого звучала неподдельная тревога.

— Ой, право, ничего страшного...

— У вас полтора часа идет кровь, а вы говорите «ничего страшного»?!

— Что это, мистер Леджер? Я вижу чувства на вашем лице? — пыталась шутить я.

Дворецкий не ответил. Но раны действительно не были серьезными, они просто кровоточили. Мистер Леджер сгущал краски. А врача я решила вызвать, потому что все-таки это стекло, и я потеряла много крови. Учитывая мое состояние в последние дни, это могло иметь последствия.

Пока врач добирался до места, проснулся весь дом, и от их заботы я почувствовала себя маленьким ребенком, который ничего не может сделать сам. Они суетились надо мной, словно пчелы вокруг улья — заботливые, хлопотливые, неутомные.

Вскоре пришел сонный врач. Он осматривал, ощупывал мои руки. На правой руке был самый большой порез, который как раз до сих пор кровоточил. На него пришлось наложить швы. Потом врач нанес на руки какую-то вонючую мазь и сказал:

— Все, — произнес врач, отступая. — Будет немного болеть, но ничего опасного. Думаю, даже шрамов не останется на ваших прекрасных руках, леди Брустер.

— Благодарю и за лечение, и за добрые слова, — ответила я с горькой улыбкой, мысленно возвращаясь к тому мгновению, что привело меня сюда.

— Кто извлекал осколки? — уточнил доктор, собирая инструменты.

— Я сама, — тихо ответила я.

— Удивительно, — доктор поднял брови. — Вы совсем не боитесь вида крови?

— Нет, — я пожала плечами. — Кровью меня не испугать.

— Я не обнаружил ни одного осколка в ранах, — задумчиво произнес он. — словно их кто-то аккуратно извлек — профессионально, почти как врач.

— Этот порез, — я кивнула на зашитую рану, — я нанесла себе сама, когда вытаскивала стекло. Рука дрогнула в самый неподходящий момент.

— Ну что ж, — усмехнулся доктор, — выходит, вы уже на пути к мастерству. Почти коллега.

Он улыбнулся, я ответила взаимностью, вспоминая, сколько раз обрабатывала раны Карлу, Дэвиду и Тому после их «работы» на улицах. Многому меня научила Пэт — у нее опыт был богаче в таких делах. А вот Дженни почти теряла сознание при виде крови. У меня было хладнокровие к увечьям и легкая рука.

Какой обаятельный человек! Несмотря на строгость профессии, он держался с изысканной галантностью. Хотя чувство юмора, как и у всех врачей, у него весьма своеобразное.

— Вот мазь, возьмите, — он протянул моей служанке баночку. — Наносите раз в день — это ускорит заживление. Раны, к счастью, несерьезные. Но руки я все же перебинтую. Правую руку нужно беречь. Бинты снимайте только для нанесения мази. Через три дня я вернусь, чтобы снять швы.

— Хорошо, спасибо.

— Леди Брустер, я хотел бы обратить ваше внимание кое на что...

— На что?

— Вы хорошо питаетесь и спите?

Я промолчала, не зная, как ответить, и меня опередил дворецкий:

— В связи с последними новостями, графиня практически не ест, не пьет, не спит и теряет сознание.

Я бросила взгляд на мистера Леджера. На самом деле я ни разу не теряла сознания — лишь иногда меня слегка пошатывало. Видимо, дворецкий решил, что именно обморок стал причиной моих ран. Пусть так... Я слабо улыбнулась.

Врач, однако, выглядел озабоченным.

— Этого следовало ожидать. Леди Брустер, сильное кровотечение связано с тем, что организм очень ослаб и не может справляться с недугами. Вам необходимо хорошо питаться и следить за собой.

— Я поняла вас, доктор. Буду стараться.

Он дал мне еще несколько советов, дворецкий с ним расплатился, и врач отправился домой. Я сказала слугам, что завтра они могут спать до одиннадцати, потому что сейчас уже было пять утра. Все разошлись по комнатам. Моя спальня еще не успела полностью проветриться, поэтому я всю ночь пролежала с открытым окном.

Мой шрам на руке пульсировал, а это значит, что я еще жива. И это не могло меня не расстроить, потому что Карл сегодня не вернулся и не вернется. Именно из-за того, что я приняла утрату, я устроила такую сцену у себя в комнате.

Я лежала в кровати, скорчившись, и смотрела в пол. Я чувствовала себя ушибленной, слабой, незащищенной — впервые в жизни. Мысли покинули меня, я чувствовала, что ничего не значу в этом мире. Слаба... Одинока... И больше никогда ни к кому так не привяжусь, потому что терять я больше не могу. И в свою жизнь я никого не намерена впускать. Мне суждено быть с Карлом. Свою земную жизнь с ним я прожила, а это значит, что осталось дожидаться загробной.

10 июня 1775 года. Воскресенье

Утром мистер Леджер, забыв о церемониях, настоял, чтобы я съела весь завтрак — тарелку каши и чашку чая с печеньем.

— Если вы не будете есть, миледи, я уволюсь, — твердо заявил дворецкий.

Я не стала сопротивляться: такой работник был мне крайне необходим. Пришлось пере-силить себя и доесть все до последней ложки.

К обеду приехал Пит. Он был очень обеспокоен моей раной и сам перебинтовал мне руку. Вчера и у него был несколько неудачный день — ударился виском о лестницу, что даже глаз отек. Дворецкий рассказал, что врач наказал мне хорошо питаться и что мой организм очень ослаблен. И в обед меня есть заставлял Питер. Оказывается, у него есть приказной тон, ну а про леденящий взор я и раньше знала.

Хотя появление Карла мне казалось призрачным и невозможным, я все равно с великой надеждой посмотрела на дверь, когда в нее позвонили. Это были Кейт, Эмма и их мужья.

Вшестером мы сидели в гостиной рядом с бальным залом на диванах друг напротив друга. Я устроилась на кресле у входа. Весь день я была неразговорчива и мрачна. Сидела, замерев в одной позе, глядя в одну точку. Отвечала на вопросы и поддерживала беседу одно-сложно.

Воцарилась тяжелая тишина. Наконец Кейт, не выдержав, мягко произнесла:

— Нам его очень не хватает...

Я глубоко вздохнула, потерла лоб, пытаюсь собраться с мыслями.

— Все равно я буду его ждать, — тихо ответила я. — Через два дня нужно написать миссис Норрис... Но как я ей об этом скажу?

Я поправила прядь волос, выпрямилась и обвела взглядом гостей. Все выглядели подав-ленными, и я поспешила сменить тему:

— Сегодня ведь воскресенье, десятое число?

— Да, — отозвался мистер Браун.

— Прошло ровно семь дней с того момента, как Стефан принес нам эту весть, — про-должила я. — Я была не права, что сорвалась тогда. Я извинилась, но все равно чувствую себя виноватой. Впрочем, хватит об этом. С завтрашнего дня возвращаемся к делам.

— Дамана, прости, что спрашиваю, — деликатно сказал мистер Смит. — А что мы будем делать с контрактом... Что вез нам Карл?

— Нам следует написать партнерам. Скорее всего, они тоже знают о трагедии и ждут действий с нашей стороны. Займитесь письмом, мистер Смит, пусть вышлют копию договора. Если им потребуется меня увидеть, то придется плыть...

Я сделала глубокий вдох и снова ушла в свои мысли. Мы продолжали беседу еще около часа, но я едва ли осознавала, о чем шла речь. Во мне ничего не осталось, я чувствовала пустоту и отчаяние. Когда вспоминала о Карле, сердце замирало на несколько секунд. Пустые, ничем-ные, мучительные секунды...

Вдруг я услышала взволнованный голос мистера Леджера:

— Мисс Дамана!

Я обернулась. Только что-то необычайно неординарное могло заставить этого мужчину запутаться в обращении ко мне. На лице дворецкого были изумление, восторг и в то же время страх. Он продолжил:

— Вы были правы...

Я была права? Что происходит? Но дворецкий отошел чуть левее, и я увидела, как в зал заходит мужчина, опираясь на трость, больше похожую на палку. Небритый, с перебинтован-ной правой рукой, с ярким красным шрамом на правой щеке, следами побоев на лице и отеком

шим левым глазом. Бледный, усталый и потрепанный. Я сразу же поняла, кто передо мной. Все это поняли, но разум отказывался верить в происходящее...

Я смотрела на Карла. В одно мгновение к горлу подкатил тугой ком, дыхание перехватило, а сердце забилося так бешено. По телу прокатилась дрожь — сильная, неудержимая, заметная даже со стороны. Мне казалось, что я нырнула в самый холодный в мире океан, но он оказался для меня живительным.

Спустя мгновение слезы брызнули из моих глаз — стремительно, неудержимо, как вчера кровь из моих рук. За всю неделю я не проронила ни слезинки, но теперь рыдала, не в силах остановиться. Каждая капля несла с собой все, что накопилось за эти мучительные дни — боль, страх, отчаяние, — чтобы раствориться в безумной, всепоглощающей радости. Слезы, будто ядовитый груз, покидали мое измученное сердце, освобождая его для новой жизни.

Кейт и Эмма не сдерживали слез. Питер вскочил на ноги, лицо его озарила широкая улыбка. Мистер Смит и мистер Браун застыли в креслах, не в силах осознать происходящее. Карл же не отрывал от меня взгляда. Наконец он глубоко вздохнул.

Я опустила голову. Крупные слезы падали на подол платья, оставляя темные пятна. Не помню, как я поднялась, как бросилась к Карлу и крепко обняла его.

Блаженство охватило меня — словно награда за все пережитые страдания. Я принимала это чувство всем существом, растворяясь в нем без остатка. Карл крепко прижал меня к себе, и я услышала тихий, прерывистый вздох — тот самый звук, в котором смешались облегчение, счастье и бесконечная нежность. Я продолжала рыдать, уткнувшись ему в плечо.

— Дамана, умоляю, перестань. Со мной все хорошо...

Его голос — такой знакомый, неповторимый, наполненный нежностью — заставил меня зарыдать еще сильнее. Эмоции переполняли меня, слезы лились ручьем, и я не могла вымолвить ни слова.

Едва я ощутила волну бесконечного счастья и собралась что-то сказать, мой взгляд упал на грязный бинт, обмотанный вокруг правой руки Карла. Словно острый нож, это зрелище вонзилось в меня. Я невольно поджала губы и в смятении обернулась к мистеру Леджеру:

— Врача!

Тот передал приказ прислуге, которая уже собралась у дверей и глазела на то, что происходит.

Мой взгляд скользил по его облику: бинт на руке, шрам на щеке, опухший глаз с разбитой с уже заживающей раной на брови, большой синяк на шее. Виконт выглядел смертельно усталым.

«За что же они так с тобой?..» — мысленно вопрошала я.

— Дамана, прошу тебя, — тихо произнес Карл, и в его голосе я уловила нотки сдерживаемых слез.

Я готова была слушать его бесконечно. Неважно, в каком состоянии он пришел — главное, он жив, он вернулся ко мне! От этой мысли меня прорвало: из меня словно демоны выходили. Ноги подкосились, и я, рыдая, медленно опустилась на колени перед родным человеком, обняв его ногу. Карл глухо застонал. Под пальцами я нащупала что-то твердое — похоже, шина. Испугавшись, что причинила ему боль, я резко отстранилась. Карл попытался присесть на корточки, но лишь поморщился от боли. Я тут же вскочила и не дала ему опуститься: новость о том, что у него еще и нога ранена, почти осушила мои слезы.

— Дамана, слезы сейчас не нужны.

«Если бы ты знал, через что мне пришлось пройти, то понял бы, что слезы — это как раз то, что надо. Пусть смоят мой позор», — хотела сказать я, но промолчала.

Попыталась вытереть глаза, но бесполезно: в секунду щеки вновь покрылись соленой водой. Карл пытался помочь, нежно касаясь моего лица. Он был таким неземным, словно... Каждое его касание было наполнено особым чувством нежности, доброты, любви! Меня все

еще трясло. Я закрыла лицо руками. Такой счастливый миг — а я рыдаю, словно на похоронах. Но эти слезы — от безудержной радости.

— Дамана, — нежным шепотом попросил Карл. — Раны — это не страшно. Сейчас все хорошо.

Карл посмотрел на меня, и я наконец смогла заглянуть в его карие глаза. Какое счастье! Я залюбовалась ими, словно увидела воплощение своего божества. Он гладил меня по голове, с трепетом вглядываясь в мое лицо. Увидев мои слезы счастья, Карл растрогался — по его щеке скатилась слеза. Он сиял от радости, наслаждаясь возможностью быть рядом, касаться меня, стоять так близко.

Я начинала успокаиваться, хотя меня все еще трясло. Снова осмотрела лицо Карла. Его щеку пересекал приличного размера шрам. Все внутри меня оцепенело от мысли, что Карл в сантиметрах разошелся со смертью.

Забыв о перебинтованной руке, я осторожно коснулась шрама на его щеке тыльной стороной ладони. Карл заметил бинты и, бережно взяв мою руку здоровой рукой, тихо спросил:

— Что случилось?

Я наконец-то улыбнулась и махнула рукой. С радостью ответила бы ему, но голос все еще не слушался. Слезы почти иссякли, уступив место улыбке. Обрадовавшись моей улыбке, Карл поднес раненую руку к губам и нежно поцеловал. Затем притянул меня ближе — так бережно, словно я была чем-то хрупким и бесценным, — и легко коснулся губами щеки, потом шеи. Вдыхая мой запах, он на мгновение закрыл глаза от удовольствия, а затем ласково провел рукой по моим волосам.

Я не знаю, как передать, что я чувствовала. Какая я была неземная в этот долгожданный час. Карл появился, когда я отчаялась, а от надежды осталась только тень. Как же мне хорошо, безмятежно... Моя душа под защитой.

Мы смотрели друг другу в глаза, словно пытаюсь наверстать упущенное время. Но какие мы наивные... На это нам потребуются годы!

Карл перебирал пряди моих волос, а я, как всегда, положила ладони ему на грудь.

«Как же прекрасен твой облик, Карл! Разве возможно придумать что-то красивее?»

Как ни удивительно, да, возможно. Это душа Карла Норриса, безукоризненная, идеальная душа, которая принадлежала мне. Я чувствовала, что Карл отдает ее мне всецело, без остатка. По какой-то счастливой случайности. И эта проклятая, ненавистная неделя показала мне, как я того недостойна, но благодарна. Буду держаться за Карла, как за спасительный компас.

Мы смотрели друг на друга минуты. И со стороны мы выглядели прекрасно, ведь как еще объяснить эти счастливые лица вокруг нас? Подруги и служанки вытирали слезы с глаз. А мистер Леджер наконец-то чопорно выпрямился и стал таким, каким всегда, только широко и счастливо улыбался.

Карл убрал с моих щек последние слезинки. Дрожь почти прошла, ко мне вернулся голос. Я тихо, почти шепотом, произнесла:

— Как мне тебя не хватало...

— Ты рядом — и больше ничего не нужно, — ответил Карл, закрывая глаза от счастья.

Настал миг, который должен произойти. Самый волнующий кровь, самый возбуждающий души, самый возвышенный на небесах и ненавистный для наших врагов. Поцелуй — нежный, аккуратный, ласковый и долгожданный.

Казалось, что если смотреть на нас с Карлом, то мы можем ослепить. Если бы мы были святыми или богами, то нас бы изобразили на алтаре любви. В знак счастья, любви, понимания и ожидания.

Затем мы крепко обнялись. Настроение мое стало легким и радостным. Я взглянула в глаза Карлу и с улыбкой предупредила:

— Когда я в следующий раз скажу, что будет здорово освежить чувства, давай придумаем что-нибудь попроще.

Карл расхохотался и еще крепче прижал меня к себе.

— Согласен...

Мы смеялись, ведь теперь мы могли себе это позволить. И не только мы: наши слова развеселили всех вокруг. Позади раздалась аплодисменты. Я обернулась и увидела Питера — он шел к Карлу, широко улыбаясь. Карл ответил ему такой же искренней улыбкой.

— Ты жив, — проговорил Питер, протягивая ладонь.

— Разочаровал, — с улыбкой парировал Карл, глядя Питеру прямо в глаза.

Иронию Карла понимали мои бывшие соседи — для них это была просто шутка. Но для нас с Питером она звучала куда глубже и больнее. Впрочем, об этом можно подумать позже. Сейчас радость от возвращения Карла затмевала все — даже постыдные события недавнего прошлого. И у меня, и у Пита еще будет время на анализ произошедшего. Но я видела, как Ричардс выдохнул, увидев перед собой Норриса.

Карл задержал взгляд на протянутой руке своего бывшего соперника. Окружающие видели в этом жест почтения. Благородство виконта позволяло ему искренне радоваться встрече даже с Питером. Карл оставил все в прошлом уже давно. И сейчас подбирал слова, ведь не мог позволить себе ответить перебинтованной, грязной рукой.

— Прости, осталась только левая.

Питер загадочно ухмыльнулся, покачал головой и проговорил:

— Главное, что душа не отлетела. А с остальным справимся.

Ричардс поменял правую руку на левую, и мужчины в итоге обменялись крепким рукопожатием. Питер рассмеялся, подобрав удачную шутку:

— Не думал, что когда-нибудь это скажу, но, — начал Питер, даже похлопав Карла по плечу, — но... Я рад тебя видеть!

Карл оценил юмор смехом, найдя, что ответить:

— Ну ты что! Я бы тебя с собой забрал!

В другое время такой диалог мог бы обернуться ссорой. Но сейчас ни от одного, ни от другого не исходило и тени неприязни — это было удивительно. Они еще несколько мгновений смотрели друг на друга, а затем Карл, хромя и опираясь на трость, сделал два шага к соседям. Те не позволили ему утомляться и сами устремились к Норрису, чтобы обнять, женщины его целовали, а я словно воспарила к недостижимой вершине счастья.

Питер поймал минуту и посмотрел на меня. Я ответила ему взглядом. Прежней запретной страсти, конечно, не было, но и гнев мой отступил. Я выдыхала с облегчением, что сделало мой взгляд мягким. Пита это обрадовало, но он понимал, что путь к моей ласке закрыт на долгое время, если не навсегда...

Карл вернулся ко мне. Я бросилась ему навстречу. Он крепко прижал меня к себе и поцеловал в лоб, а я прильнула к его плечу.

— Прости нас, Дамана, — сказала Кейт.

— За что? — я понимала, о чем речь, но в извинениях не было нужды.

— Мы тебе не верили! Господи, как же так вышло... — сокрушалась Эмма.

— Я просто не могла поверить, — призналась Кейт, — что ты чувствуешь: Карл жив! А мы даже не поддержали тебя...

Карл не понимал, о чем речь. Мистер Смит перехватил его недоуменный взгляд и пояснил:

— Дамана единственная верила, что ты выжил после нападения пиратов...

— Как и кто вам сообщил об этом? — поинтересовался Карл.

— В порт пришло донесение от торгового судна, что проходило мимо столкновения, — ответила я. — Порт отправил новость во дворец. А Стефан рассказал нам. Как раз у нас было совещание. Стало известно об этом второго числа.

Карл тревожно посмотрел на меня — видимо, подсчитал, сколько дней я прожила с мыслью, что моего любимого больше нет. Он провел рукой по волосам, и взгляд его помрачнел.

— Мы прибыли сегодня... Нас встретили как призраков. Оказалось, все королевство уже знало о случившемся. Первым делом я поспешил к маме — хотел ее успокоить. Но ее не оказалось дома. Твоя мама, Питер, сказала мне, что она уехала — куда и зачем, она не знала.

Карл взглянул на меня. В его глазах читалась готовность услышать худшее, голос дрожал:

— Где моя мама и что с ней?

Я знала, что такое ждать важного ответа, поэтому не стала медлить:

— Твоя мама жива, здорова и ни о чем не знает. Я отправила ее с отцом Флетчером за город.

Хоть за что-то я была себе благодарна: у меня нашлись для Карла хорошие новости. Они словно окутали его, и он с облегчением выдохнул. Карл нежно коснулся моего подбородка и тихо произнес:

— Спасибо тебе, любимая!

Он невесомо коснулся губами моих губ — то ли в благодарность, то ли поддавшись нахлынувшему чувству. Но в любом случае, я замерла от удовольствия и ответила таким же легким поцелуем.

Нас прервал мистер Браун. Его голос был деликатен, но в то же время порывистый и наполненный живой пытливостью:

— Карл, расскажи, что произошло?

Карл с сожалением оглядел гостей, не отпуская меня из объятий, и мягко произнес:

— Друзья, прошу вас понять меня правильно и простить за эту бестактность. Не могли бы вы оставить нас с Даманой наедине? Я не знаю, как иначе об этом попросить.

Собравшиеся мило улыбнулись. Женщины сразу же встали без лишних вопросов. Карл, устыдившись, начал оправдываться:

— Мы с вами еще обязательно встретимся. И я все вам расскажу. Простите меня.

— Не надо, Карл, — сказал мистер Смит, положив руку ему на плечо. — Это мы бестактны! Могли бы сами сообразить!

— Надо как-нибудь сходить с тобой на скачки, — тихо сказал мне Питер, пока Карл прощался с гостями. — Твоя интуиция никогда не подводит. На ставках тоже?

Я горько усмехнулась — шутка Питера вышла невеселой. Но мы все же попытались вернуться к привычному общению.

— Хорошо, что все так закончилось, — ответила я.

Питер аккуратно поцеловал меня в голову и пошел прощаться с Карлом. Они о чем-то говорили, а я смотрела на парней со стороны. Неужели вражда, которая длилась несколько лет, исчезнет только после глубокого потрясения? Питер что-то наказывал Карлу, тот слушал его слова, словно наставления брата. Он не стал провожать гостей до двери — раненая нога не позволяла. Мы с мистером Леджером проводили их.

Все, одеваясь, наперебой говорили мне, как они поражены, что я оказалась права, и извинялись за сомнения. Мне это было не так интересно, меня даже не удивляла моя правота. Единственное, что я сейчас хотела, — вернуться к Карлу. Но, чтобы не показаться невоспитанной, я что-то отвечала, улыбалась.

Вскоре гости разошлись, дворецкий закрыл за ними дверь, и я, не сдерживаясь, бросилась к Карлу. Он сидел на диване — расслабленный и совершенно обессиленный. Я опустилась перед ним на колени, но Карл поднял меня и усадил рядом. Я не стала сопротивляться: не хотела заставлять его лишний раз напрягаться.

Я поджала ноги и повернулась к Карлу лицом. Он осторожно взял мою раненую руку:

— Что с тобой произошло?

— Пустяки, милый, — ответила я. — Порезалась вчера об осколок.

— Я так скучал... — прошептал Карл, придвигаясь ближе и нежно касаясь моей шеи.

— Любимый... — выдохнула я, полузакрыв глаза, готовая вот-вот расплакаться. — Я думала, схожу с ума... что отправлюсь за тобой...

— Ты, как всегда, все сделала правильно, — с гордостью произнес виконт, улыбнувшись.

Мы едва начали целоваться, как меня осенило. Я подскочила, словно ошпаренная, ужаснувшись, что не подумала об этом раньше:

— Карл, ты, должно быть, ужасно голоден?

Карл на мгновение опешил от моего резкого возгласа, но, почувствовав искреннюю заботу, улыбнулся:

— По правде говоря, я очень голоден...

Я кинулась на кухню и принесла для начала воды, хлеба и нарезанный сыр. Вслед за мной служанка подала влажное полотенце — чтобы Карл мог протереть руки, не вставая с места. Норрис все еще чувствовал неловкость, когда ему прислуживали люди, столь же простые по происхождению, как и он сам. Но сейчас можно было позволить себе воспринять это как заботу и отнестись с благодарностью.

В гостиную вошел дворецкий:

— Билли уже отправился за врачом, он скоро будет. — Мистер Леджер повернулся к Карлу и, слегка склонив голову, сдержанно произнес: — С возвращением, виконт Норрис.

— Благодарю вас, мистер Леджер, — ответил Карл.

Дворецкий уже вернулся к привычному образу жизни. Хотя искорки радости были заметны в его черных глазах.

— Ужин подадут в скором времени, — оповестил Джим.

Не дожидаясь ответа, он вышел, оставив нас наедине. Я понимала: он рад вдвойне. Я счастлива рядом с любимым, а то, что я попросила ужин на двоих, означало — ко мне возвращается аппетит.

Мы с Карлом переглянулись. Синяки на его лице меня совсем не пугали: мы все вылечим, а шрамы лишь усилят мою любовь. Я боялась лишь одного — что, быть может, лишилась рассудка, и Карл мне только мерещится. Я протянула руку к его бороде — и вдруг почувствовала, как ко мне подступает тьма. Карл заметил это и принялся нежно гладить мое лицо, шею, плечи. Я старалась держать себя в руках, но голос все равно иногда срывался...

— Я отказывалась верить, что ты умер! Эта неделя унесла за собой многие мои годы. Я так боялась за тебя, Карл! Думала: сойду с ума... Прежде не было у меня испытания страшнее.

Я обняла его, и мы поцеловались. На этот раз поцелуй был иным — глубоким, полным любви, без лихорадочного ликования первой встречи.

— Дамана, нас выжило не так много... Каждый думал о родных, и мы надеялись, что раньше нашего возвращения никто не узнает о нападении. Страшно представить, какие мысли терзали вас. Я очень спешил к тебе, родная моя. Я не переставал о тебе думать все четыре месяца. Каждый мой сон был радостью, потому что ты всегда приходила ко мне... Пробуждение равно разочарованию, ведь тебя рядом не было...

Мы целовались, но вдруг я уловила в его движениях какую-то холодность. Он слегка отстранился, прикрыв смущение улыбкой:

— От меня, должно быть, жутко воняет?..

Мое изумление — как он может думать об этом сейчас — тут же сменилось смехом. Я положила сыр на хлеб и протянула ему закуску:

— Да, — искренне призналась я, — рыбой, потом и войной. Примерно так я себе и представляла немых викингов.

Карл с улыбкой встречал мой юмор, понимая, что смрад от него последнее, что сейчас меня может оттолкнуть от него. Он принял хлеб с сыром. Очарование Карла пленило мой взор. Откусив, он запрокинул голову, наслаждаясь вкусом простой еды — такой привычной, земной, не связанной с бурей и морем.

Почти не жуя, Карл проглотил первый бутерброд и запил его почти целым стаканом воды. Я подлила ему еще и подала второй кусок хлеба с сыром. На этот раз он ел медленнее, внимательно вглядываясь в мое лицо:

— Родная, ты словно высохла... Ты хоть сама ела?

— Сейчас это неважно, Карл.

— Прости, что тебе пришлось пройти через такой кошмар, — он словно почувствовал себя виноватым. — Но теперь в наших силах откормить друг друга. Так что, давай, тоже кушай.

— Я люблю тебя, счастье мое, — прошептала я, коснувшись губами его губ.

— И я тебя люблю, милая, — с чувством произнес Карл, целуя меня. Он улыбнулся и строго добавил: — Ешь!

Возвращение Карла магическим образом подействовало на мой аппетит. Мне тоже хлеб с сыром показались невероятно вкусными! Я прильнула к груди Карла, он любовно обнял меня. Вдруг, произнес, как озарение:

— Ах, да! Чуть не забыл! Я привез его!

Он хотел было встать, но я не позволила ему:

— Кого привез?

— Контракт с партнерами. Я обо всем договорился, уважаемая графиня Брустер. Он лежит в коридоре, в ранце.

— Благородный господин виконт Карл Норрис... Мы еще успеем добраться до контракта. Пусть лежит.

Мы обменялись улыбками.

— А ты добилась от османов желаемого? — спросил Карл.

От неожиданной формулировки я чуть не подавилась водой. Вопрос одновременно рассмешил и напугал меня. Я промокнула губы салфеткой и кивнула:

— Даже больше! С помощью своего дьявольского обаяния...

Я не смогла договорить: дворецкий сообщил, что пришел врач. И, как по заказу, тот, который вчера осматривал мою руку.

И врач, и здравый смысл подсказали: Карла нужно разместить в спальне на первом этаже. Его нога была слишком слаба — вряд ли он смог бы подняться даже на второй этаж.

— Как ваша рука, леди Брустер? — поинтересовался врач. — Вы ее перебинтовывали?

— Да, — ответила я. — Рана немного беспокоит, но боли нет.

Доктор одобительно кивнул и направился в спальню для осмотра.

Тем временем я распорядилась, чтобы служанки приготовили теплую воду для Карла — ему нужно было привести себя в порядок. Я осталась ждать в коридоре. Осмотр, казалось, длился целую вечность. К сожалению, ужин пришлось отложить.

Дворецкий пригласил меня войти. Я переступила порог как раз в тот момент, когда Карл, полулежа на кровати, запахивал халат.

— Какие результаты, доктор? — спросил он.

— Ранений немало, но ничего страшного: вылечим, — успокоил врач. — Все будет хорошо.

Я принесла подушку из нашей спальни — знала, что Карлу будет комфортнее спать на своей. Он взял ее и с любопытством принялся:

— Почему она так пахнет духами?

— Впитала запах. Я вчера разбила свои духи, когда споткнулась. И упала на осколки флаконов.

Меня иногда пугало поведение Карла. За годы он немного стал разбираться, когда я говорю правду, а когда лгу.

— Как ты так споткнулась, что разом разбила все флаконы?

Над этим вопросом мистер Леджер не задумывался. А Карл дал ему пищу для размышлений. Я начала оправдываться:

— Очень сильно споткнулась.

Карл, кажется, не стремился меня разоблачить — он просто хотел понять, что произошло. Он явно чувствовал: это не была простая случайность.

— Проходя мимо прачечной и кладовой, я заметил, что матрасы, обшивка и кресла изрядно потрепаны, — хитро улыбнулся Карл. — Полагаю, это дело рук... или осколков духов?

Я думала, как вывернуться, и выпалила первое, что пришло в голову:

— Нет, это сделал крючок от подвязки для чулок, — поспешно добавила я, надеясь, что столь интимная подробность остудит любопытство Карла и остановит его в присутствии дворецкого и врача.

— Крючок, значит? — задумчиво повторил Карл. — Но он больше похож на лезвие, не находишь?

Он скучал по мне — и с первого дня затеял эту игру: кто первым сдастся. Как истинный джентльмен, Карл, как всегда, уступил после моего ответа:

— Женщиной быть опасно и порой даже неудобно... Кресло можно зашить, а вот чулки пришлось выбросить.

Он, конечно, не поверил — но не смог сдержать смеха. И еще Карл был безмерно рад видеть меня такой — в привычной роли, с моей привычной находчивостью.

Похоже, я не изменилась за месяцы, а вот в нем перемены были очевидны. Как только он получил звание виконта, его характер переменялся, но в лучшую сторону. Все достоинства приумножились, а недостатки либо улетучились, либо проявлялись, только когда он был с близкими. С друзьями он все еще мог вести себя по—детски, но в целом стал серьезнее и воспитаннее. Его мужество и галантность не имели границ. Он стал настоящим виконтом, причем с легкостью: видно было, что среди аристократии Карл чувствовал себя вполне уверенно. Это место ему подходило лучше, чем место кебмена.

— Раз уж я тут, — предложил доктор, — то позвольте, леди Брустер, я все-таки взгляну на вашу руку.

Пока доктор осматривал меня, Карлу помогали принять ванну. У меня же состоялся разговор с врачом:

— Итон Дирек, если не ошибаюсь? — уточнила я.

— Да, правильно.

— Так вышло, вы во второй раз к нам приезжаете, может, это значит, что вам стоит стать нашим лечащим врачом? Или у вас мало свободного времени?

— Я пользуюсь весьма хорошим спросом. Но отказать вам будет неблагоприятно.

На том и порешили. Этот врач действительно был безукоризнен. Его пациенты почти не умирали, а еще он лечил духовных особ. Собственно, за свое имя и брал соответствующие деньги.

Доктор похвалил состояние моей руки и перешел к более серьезному разговору. Сначала я слегка испугалась — его тон намекал на какую-то тайну, — но потом поняла: он просто старался не тревожить пациента раньше времени.

— Мистера Норриса я обязательно вылечу, — уверенно произнес Дирек. — Ничего критичного нет, хотя ранений немало. Молодому человеку повезло: на корабле оказался врач, иначе последствия могли быть куда серьезнее. На правой руке — глубокий порез от сабли. Жаль моего коллегу... Он успел грамотно наложить швы.

Я похолодела. Внутри все сжалось — мне казалось, что самое страшное еще впереди.

— На спине подобный шрам, с ним тоже все хорошо. Швы я снял. Заражения нет. Остальное: царапины, сильные ушибы, вывихи, синяки и небольшое сотрясение. Я пропишу лекарства и курс лечения, не переживайте. Рецепт напишу перед уходом. Но кое-чего не избежать.

— Чего? — я нервничала.

— Нога. Мистер Норрис сломал ее, упав с лестницы во время драки. Перелом закрытый, но сломаны и большеберцовая, и малоберцовая кости. Корабельный врач из подручных материалов сделал корсет для ноги. Но, к сожалению... Необходим постоянный отдых, а передвигаться надо при помощи трости. Мистер Норрис не делал ни того, ни другого...

— Вы хотите сказать, что кости срастаются неправильно?

— Пока нет, но они уже смещены — срастаются под неверным углом. Отсюда и отек.

— Я думала, отек при переломе — это нормально?

— Да, это естественно. Но из-за неправильного лечения ситуация становится серьезной...

— И что вы планируете делать?

— Необходимо вправить кости.

— Звучит не так страшно, но почему-то мне кажется, это еще не все...

— По сути, это означает повторно сломать ногу в том же месте. Только так я смогу зафиксировать ее в правильном положении.

— Как? — я перепугалась из-за этой новости. — А что-нибудь другое нельзя придумать? Наверняка есть другой способ!

— К сожалению, нет. Бездействие может привести и к ампутации...

Я взялась за голову:

— Это же невыносимо больно!

— Я могу дать небольшую дозу морфия для обезболивания, но лучше обойтись без него. Препарат сильно нагружает организм. Пальпация показывает, что внутренние органы не повреждены, однако я бы рекомендовал перетерпеть. Ударов по корпусу пришлось много.

Доктор говорил убедительно, но сердце сжималось от жалости к Карлу. Мало того, что он перенес на корабле, так еще и дома ему опять хотят сломать ногу.

— Графиня, мы должны это сделать. В своих действиях я уверен.

— Мы? При чем здесь я?! Я не смогу этого вынести...

— Ваша непосредственная помощь не потребуется. Да и вряд ли вы сможете его удержать, — спокойно пояснил врач.

— Господи... — взмолилась я.

— Мне понадобится помощь двух крепких мужчин. И кляп — рукоять ножа вполне подойдет.

От ужаса я открыла рот и хотела что-то сказать, но кошмар морозил меня. Я положила руку на сердце, словно это могло его успокоить:

— Как вы намерены ломать ногу?

Мистер Дирек не хотел отвечать, но все-таки произнес это, словно приговор невиновному:

— Методом противохода от упора...

Я зажмурилась и зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть. Доктор попытался меня успокоить:

— Сломать придется по линии старого перелома. Затем я вправлю кости и наложу надежную шину. Завтра из больницы пришлю своего помощника с ножным корсетом. Он поможет вам его правильно зафиксировать. Не говорите пациенту ничего. Я все ему объясню.

— Вы хотите его обмануть? — догадалась я.

— Да, — кивнул доктор. — Скажу, что ногу нужно вправить еще раз. Так виконту Норрису будет легче перенести процедуру. Мой опыт показывает: этот метод переносится гораздо легче. Эффект неожиданности сыграл свою роль.

Я кивнула. Потом попросилась зайти к Карлу, который уже принял ванну и вернулся в спальню. Но заранее я отправилась за мистером Леджером, садовником и мастером. Недалеко от комнаты Норриса доктор рассказал им, что надо делать. В это время я зашла к Карлу. Он лежал на кровати и не спал, а ждал меня:

— Что произошло прошлой ночью?

Я улыбнулась, легла на кровать, легко поцеловала его в губы и ответила:

— Со мной случился нервный срыв.

Я чувствовала себя напряженно. Как смотреть любимому в глаза, зная, что за дверью трое мужчин готовятся сломать ему ногу? Карл сразу заметил мое волнение:

— Что-то случилось? — тихо спросил он.

У меня чуть не навернулись слезы.

— Врач сам тебе все объяснит, — прошептала я. — Прости меня...

— Что именно объяснит? — настаивал Карл.

Вместо ответа я нежно поцеловала его. Поцелуй получился долгим и страстным — словно попытка поделиться своими силами.

На первом этаже располагались три небольшие гостевые спальни. Карл занял ту, с которой началась наша жизнь в этом доме. Здесь двуспальная кровать, и весьма уютно.

Я оставила Карла с врачом и мистером Леджером и вышла из комнаты. Сердце разрывалось от жалости, и мне отчаянно хотелось остаться, но я не могла. Не в силах была смотреть, как ему причинят боль. К тому же я знала: Карл ни за что не захочет, чтобы я видела его крики. Страхился показаться слабым в моих глазах.

«Глупый», — подумала я с улыбкой любви. Для меня Карл был самым храбрым и стойким из всех мужчин.

Я накинула на плечи плед и покинула дом через террасу, что вела из бального зала. Пробежала по тропинке вдоль возрождающегося сада и пришла к речушке, за которой виднелась конюшня. Я поднялась на мостик, остановилась и с тяжелым сердцем посмотрела на дом.

Чтобы отвлечься, я заговорила с жеребятами, рассказывая им обо всем, что случилось сегодня в доме. Я часто навещала их — эти игривые, добрые создания всегда поднимали настроение. Хронос и Арго заметно подросли: их тела становились все более мускулистыми и точеными.

Через некоторое время появился Билли. Я заметила его первой. Он подкрадывался к входу в конюшню, словно я вор и он готов меня задержать. Его выдавала тень. Я не смогла сдержать улыбки и громко окликнула:

— Билли? Это я, Дамана.

Он заглянул в конюшню и увидел меня у двух последних стойл, где стояли Хронос и Арго.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался юноша.

— Добрый вечер. Что-то я тебя давно не видела. Живем в одном доме, а встречаемся редко.

— У вас очень большой дом, госпожа.

Я усмехнулась и жестом пригласила его подойти ближе.

— Ваше сиятельство, — не выдержал Билли, — а зачем врач пришел к мистеру Норрису? — в его голосе звучало неподдельное беспокойство.

— Твой заступник немного приболел, — мягко ответила я. — А ты что-то слышал?

— Нет, — покачал головой мальчик. — Мистер Леджер просто велел мне погулять где-нибудь час. Вот я и гуляю... А мистер Норрис поправится?

— Теперь уже да, — уверенно кивнула я.

Я по-сестрински улыбку улыбнулась мальчику. Хоть Билли был младше меня всего лишь на пять лет, его застенчивость и безропотность чудесным образом омолаживали его. Поэтому казалось, что я лет на десять старше.

— Я так рад, что он жив, — выражал радость конюх. — Мистер Норрис очень хороший человек!

— Вы с ним дружите? — уточнила я.

— Мне хотелось бы так думать, — смущенно ответил Билли.

— Знаю одно: мистер Норрис относится к тебе с теплотой. Тебе нравится здесь работать?

— Да! — оживился мальчик. — Очень нравится!

— Это хорошо.

Мы еще немного поговорили о лошадях. Спустя минут пятнадцать в конюшню вошел садовник и сообщил, что врач завершил процедуру. Я мягко положила руку на плечо Билли, прощаясь, и поспешила в дом.

Увидев меня, доктор и дворецкий тут же встали.

— Как все прошло? — с тревогой спросила я.

— Все хорошо, леди Брустер, — успокоил меня доктор.

На душе стало легче, и я с облегчением вздохнула.

— Все кончилось? — переспросила я, все еще не до конца веря.

— Да, — кивнул доктор. — Теперь главное — покой, ваша забота и вот эти таблетки. —

Он протянул мне листок. — Здесь расписано, в каком порядке и как их принимать.

— Спасибо большое, доктор.

— Не за что. Приобретите трость — она понадобится мистеру Норрису, когда он начнет ходить. Но первые две недели категорически запрещаю ему вставать с постели — разве что в случае крайней необходимости.

— И пусть только попробует послушаться! — решительно произнесла я.

— Вряд ли, — с улыбкой пошутил доктор. — Сомневаюсь, что мистер Норрис захочет в третий раз пережить подобное. Через два дня я загляну, чтобы снять вам швы, и заодно навещу молодого человека. И я принял решение, что что лично закреплю корсет на ноге виконта. Поэтому завтра никого не ждите. Я наложил надежную шину, но важно, чтобы нога оставалась в горизонтальном положении на твердой поверхности. Именно поэтому ваш лакей подложит доски.

Я благодарно закивала, не скрывая облегчения. Доктор улыбнулся и добродушно заметил, собирая вещи:

— Мистер Норрис проявил удивительную стойкость к боли. Признаться, я редко вижу такую выдержку. Многие теряют сознание, когда приходится ломать кости повторно, но ваш виконт не просто сохранил сознание — он мужественно держался все время.

Сердце наполнилось гордостью за Карла, и я искренне поблагодарила доктора — не только деньгами, но и словами.

Дворецкий проводил врача, а я поспешила к любимому. На этот раз Карл лежал под одеялом. Когда я приоткрыла дверь, он поднял глаза, встретил меня едва заметной улыбкой. Он выглядел изможденным, почти обессиленным. Тяжелый груз вины, страха и печали навалился на плечи.

Стоя возле двери, я произнесла:

— Вот за это я и извинялась... Как ты себя чувствуешь, дорогой?

Карл медленно поднял левую руку, жестом подзывая меня. Я подошла, осторожно опустилась рядом и прижалась к его груди. Он нежно поцеловал меня в макушку и сказал:

— Лучше так, чем лишиться ноги...

Я глубоко вздохнула и начала осыпать Карла нежными поцелуями — в грудь, шею, щеки, веки, губы. Несмотря на боль, он улыбался и ласково гладил меня.

— Как же я скучал по тебе, любовь моя! — прошептал он. — Наконец-то нам никто не помешает...

— Теперь точно никто, — подтвердила я, прижимаясь к нему.

Наши поцелуи становились все жарче, страсть между нами нарастала. Мы не виделись больше четырех месяцев, и, словно назло, в самый день встречи не могли позволить себе близости. Карл изголодался по мне — так же, как и я по нему. В других обстоятельствах это мгновение стало бы безудержным, волнующим, восхитительным...

Карл напористо стягивал платье с моих плеч, а его участившееся, тяжелое дыхание выдавало: он готов был получить третий перелом, лишь бы не прерывать этот миг. Но голосом разума пришлось выступить мне — хотя это далось почти через боль. Я мягко отстранилась от родных губ Карла. Мое дыхание все еще было прерывистым от страсти, а он не хотел меня отпускать, сжимая пальцы на моей руке.

— Не надо... — нежно прошептала я. — Ты ранен. Подожди немного... И я вся твоя.

Карл, словно собака, от нелепости положения зарычал и откинулся на спину. Он провел ладонью по лицу, растер глаза, помотал головой, будто отказываясь принять неизбежное. Я ласково погладила его по волосам и мягко предложила:

— Может, поужинаем наконец?

— Если уж не ты, то хотя бы ужин, — усмехнулся он.

Мы обменялись улыбками, и я направилась на кухню за ужином. Было почти десять вечера, прислуга еще не ложилась. Поэтому я могла спокойно вернуться к Карлу, когда еду разогревали в очередной раз.

Вдруг кто-то позвонил в дверь. От этого по всему моему телу прокатилось раздражение, злобно простонав, я упала лицом в подушку. Мои эмоции развеселили Карла, я повернулась к нему:

— Музей закрыли, а визитеры, кажется, остались.

Смех Норриса наполнял меня жизнью. В очередной раз поцеловав его, я поднялась и вышла в коридор — посмотреть, кто на этот раз явился.

Мистер Леджер открыл дверь. Как оказалось, в столь поздний час нас почтили визитом несколько королевских гвардейцев, а вместе с ними — сам королевский посыльный и двое его помощников. Этого человека знали многие: он был личным гонцом короля Эгберта. При виде столь высоких гостей я невольно отступила на шаг: во-первых, от неожиданности, во-вторых, мой внешний вид совсем не соответствовал случаю. Я быстро отвернулась к зеркалу, поправила прическу и слегка похлопала себя по щекам, стараясь придать им здоровый румянец.

— Доброй ночи, Ваше Превосходительство, — я склонилась в поклоне. — Чем обязана столь позднему визиту?

Посыльный был взволнован, а его помощник рассержен, но сохранял спокойствие.

— Карл Норрис жив? Он у вас, Ваше Сиятельство? — спрашивал гонец.

— Да, сэ, — ответила я. — Прошу вас, заходите в дом, не стойте на пороге.

В коридоре посыльный решительно заявил:

— Я должен его увидеть немедленно!

— Поймите правильно, виконт Норрис чувствует себя неважно. По словам доктора, ему строго запрещено вставать с постели, а сейчас он отдыхает.

— Графиня, — обратился ко мне королевский посыльный, — вы не представляете, насколько это важно и срочно!

— Мистер Норрис, видимо, ничего вам не рассказывал? — надменно спросил его помощник.

— Мы с ним даже не успели толком поговорить, — мой голос звучал тверже, хотя я старалась сохранять достоинство. — У него неправильно срослись кости после перелома, и

буквально недавно врач завершил сложную процедуру, чтобы Карл не остался калекой. Так что, прошу прощения, джентльмены, у нас просто не было времени обсудить что-либо.

— Леди Брустер, — посыльный заметно смягчился, уловив мое возмущение, — уверяю, нам самим крайне неловко ставить вас в столь затруднительное положение. Но поверьте: это действительно крайне важно! Дело касается короны и империи!

Не успела я задать уточняющий вопрос, как вдруг заметила, что посыльный и его свита смотрят куда-то поверх моего плеча. Я обернулась и увидела Карла: он медленно ковылял, опираясь одной рукой на трость, а другой — на плечо садовника. Поврежденную ногу он держал на весу. Я недовольно всплеснула руками и начала ворчать:

— Карл! Тебе же только что ногу вправили! Зачем ты встал с постели?!

Карл посмотрел на меня, улыбнулся моей заботе о нем и перевел взгляд на посыльного и гвардейцев:

— Здравствуйте, Ваше Милость. Прошу простить мой неподобающий вид. Он явно не соответствует столь высокому визиту...

Мне это откровенно не нравилось. Во-первых, меня смущало, что Карл, казалось, вовсе не удивился их появлению. Во-вторых, я точно знала: он поднялся с постели исключительно из уважения к гостям, хотя вполне мог поговорить с ними, не покидая кровати. Я ясно видела и чувствовала — виконт с трудом преодолевает боль, стараясь держаться достойно.

Наши гости глазели на Карла так же, как на меня, когда на балу заявила, что я — Дамана Брустер. Вскоре удивление на лице помощника сменилось робостью. Посыльный же сделал несколько шагов навстречу Карлу:

— С возвращением, виконт Норрис!

Карл выглядел весьма серьезно:

— Я понимаю верно: вы пришли именно ко мне?

— Да, — ответил гонец. — Моряки с вашего корабля сегодня прибыли в воинскую часть и доложили командиру обо всем, что произошло. Поскольку дело чрезвычайной важности, докладчиков немедленно отправили во дворец, где мы и получили эти вести.

— Я понимаю, зачем вы пришли, — уважительно повторил Карл. — И незамедлительно хотел заняться этим делом. Думал, мое лечение займет меньше времени. Сожалею, Ваше Превосходительство!

— То, что вы оставили у себя, — спокойно, но все же язвительно проговорил помощник, — касается международных отношений между нашими странами. Эти документы следовало передать незамедлительно, мистер Норрис.

— Бумаги доверили мне, сэр. Поэтому я сам решал, когда их следует вернуть. Возможно, для меня они не столь важны, как для королевства, но ничто не может быть важнее спокойствия графини Брустер.

Я порадовалась столь изящному ответу. Посыльный повернулся ко мне:

— Утверждают, что вы знали, что мистер Норрис жив?

— Да, в другое время меня за такое бы сожгли, — грубовато отозвалась я, демонстрируя, что моя интуиция — не его ума дело. — Я просто чувствовала это, Ваше Превосходительство.

Нам с Карлом не терпелось обо всем поговорить. Ему было интересно, что происходило со мной, а у меня к нему было много вопросов. Да и просто я хотела побыть с ним наедине, чтобы все ушли и еще долго не появлялись.

— Я вас понимаю, мистер Норрис, — сказал посыльный. — Я бы тоже от такой женщины далеко не отходил.

Они улыбнулись друг другу, потом посмотрели на меня, смутив этим. Затем Карл спросил:

— Матросы вам сказали, что бумаги у меня?

— Матросы рассказали нам не только о бумагах, — заговорил посыльный, а помощник поморщился. — Они с восторгом поведали о том, как бумаги достались вам, виконт. Если это правда, тогда мы пришли к вам не только забрать бумаги, но и лично выразить благодарность.

От этих слов мои брови невольно взметнулись вверх — вопросов к Карлу стало еще больше. Норрис опустил голову, будто воскрешая в памяти какие-то тяжелые воспоминания. Было видно, что он не жаждет похвал.

— Я глубоко тронут вашим вниманием, Ваше Превосходительство, — сдержанно произнес он.

Он повернулся ко мне, как к спасительнице, и попросил:

— Миледи, если вас не затруднит, будьте так добры, принести ранец — он лежит у входной двери.

Прежде чем отойти, я, соблюдая этикет, склонилась в легком поклоне. Если уж внешний вид меня подвел, то хотя бы манеры останутся безупречными.

Я с трудом узнала ранец Карла — его изрядно потрепало, и я заметила пятна крови. Простая сумка встревожила мое воображение: в голову пришли страшные картины сражения не на жизнь, а на смерть с пиратским отрядом.

Я взяла себя в руки и вернулась к Карлу, открывая перед ним замок и раскрывая основной отсек ранца. Здоровой левой рукой Норрис извлек письмо в коричневом конверте с печатью Империи.

Виконт стоически передал документ лично в руки посыльному. Тот, ощутив нетронутый сургуч, с облегчением выдохнул и едва уловимо улыбнулся Карлу:

— Мистер Норрис, я удостоен чести передать вам приглашение от Его Величества на праздничный ужин во дворец. Официальное приглашение с подробностями вы получите заблаговременно. Его Величество, король Эгберт, намерен встретиться лично с выжившими с корабля и выразить им почтение. Учитывая ваше самочувствие, какие прогнозы дал врач?

— Месяц постельного режима, — решительно вмешалась я. — Именно так сказал доктор.

Я бросила на Карла строгий взгляд. Он, не желая расстраивать меня, ответил:

— Ваше Милость, — ответил Карл, — сочту за честь принять приглашение Его Величества и повидаться с экипажем! Но осквернить королевский дворец хромотой и побитым лицом никак не могу себе позволить. Месяц — приличный срок, чтобы немного восстановиться.

— Конечно, вы правы, виконт. И как всегда почтительны. Но этот прием не может состояться без вас! Желая вам скорейшего выздоровления. Миледи, — обратился гонец ко мне, — оберегайте его! Такие люди становятся героями и примером.

— Мне это известно, — на этот раз мой голос звучал ладно.

— Доброй ночи, Ваше Сиятельство, — почтительно обратился ко мне королевский посыльный, потом к Карлу. — Ваше Благородие, будьте здоровы.

— Благодарю вас, Ваше Превосходительство!

Мое любопытство нарастало. Посыльный со свитой откланялись, мы ответили им тем же, после чего гости покинули дом — их проводил мистер Леджер. Едва за почетными гостями закрылась дверь, я повернулась к Карлу, и на моем лице отразилось явное недовольство.

— Сейчас я буду ругаться! — предупредила я.

— Так... — Карл слегка усмехнулся. — Тогда, пожалуй, побегу в комнату.

Карл начал снимать домашний халат, и мое сердце сжалось, когда я увидела его тело. На животе — тонкая царапина, на груди — внушительный синяк. Когда он повернулся спиной, я наконец поняла, почему он так осторожно двигается: вдоль всей спины, от лопатки до поясницы, тянулся свежий шрам.

— О боже... — выдохнула я. — Болит? — Я осторожно коснулась его спины.

— Немного. Ничего страшного, — тихо ответил он.

— Карл, да ты весь в синяках... — прошептала я, проведя пальцами по его плечу.

Плечи, руки, спина — все было покрыто пятнами разных оттенков: синими, фиолетовыми, уже пожелтевшими. Карл положил палку возле кровати на тумбочку. Садовник помог Норрису лечь ровно без резких движений, сразу после этого он удалился.

Наконец-то у кухарки появилась возможность подать нам ужин. Мы молча жевали еду и смотрели друг на друга. День подошел к завершению. У нас обоих ни на что не осталось сил.

Я раздевалась перед Карлом медленно. Норрис поглощал меня взглядом почти не дыша, а когда я распустила волосы, раздосадованно спросил:

— Ты издеваешься надо мной?

Оставив на себе только трусики, я юркнула под одеяло к виконту.

— Прости, — ответила я шутливо. — Не могу же я спать в одежде.

Я устроилась у левого бока Карла, он ласково гладил меня по плечу, мы молча улыбались друг другу, впитывая каждое мгновение. В паузах между поцелуями Карл тихо спросил:

— Не сон ли это? Спустя четыре мучительных месяца именно таким и кажется этот чудесный час...

— Нет, — ответила я. — Это сказка, в которую бесповоротно веришь, как в детстве...

— Концовку знаешь? — Карл помнил, что у дверей этой комнаты я обещала ему выйти за него.

— Да, — сегодня я была рада дать ему любой ответ, лишь бы видеть его счастливые карие глаза. — Жили они долго и счастливо и умерли в один день.

Все тяжелые и долгие разговоры мы оставили на потом. Очень быстро я уснула в объятиях своего Карла. После всего, что я пережила, это самое лучшее вознаграждение. Но не нужны мне такие испытания и эти награды! Мне нужен этот миг в мирные времена, когда я лежу в теплой постели с любимым мужчиной, ощущая его запах, касаясь кожей его нагого тела, срывая и даря ласковые поцелуи.

11 июня 1775 года. Понедельник

Я проснулась внезапно, охваченная страхом, что все случившееся вчера было лишь сном. Но одно мгновение — и на душе стало легко: Карл безмятежно спал рядом. Его грудь мерно вздымалась, губы чуть приоткрылись — он выглядел таким спокойным и защищенным. Наверное, давно он не знал такого покоя. И я... впервые за долгое время проснулась с улыбкой на губах.

Я не торопилась вставать с постели. Просто любовалась мужчиной. Я дождалась того момента, как Карл приоткрыл глаза и увидел меня рядом. Первым делом он нежно коснулся ладонью моей щеки. Я прильнула к его руке, прикрыв глаза от счастья, а Карл в это время целовал мое плечо — он умел дарить такое наслаждение, что сердце замирало.

— Ты и вправду здесь? — прошептала я, едва дыша.

— Если бы ты только знала, как я счастлив, милая... — его голос дрожал от нежности.

— Как спалось?

— Крепко, — улыбнулся Карл, глядя мне в глаза.

— А нога? Как она себя чувствует?

— Беспокоит, но я справляюсь.

— Мистер Дирек выписал обезболивающее, — напомнила я. — Примешь после завтрака.

Карл нежно поцеловал меня в лоб. Как же радостно было видеть его счастливым!

— Как скажешь, — согласился он.

— Сегодня я найду тебе подходящую трость, — пообещала я.

— Хорошо, — кивнул Карл, а в глазах вдруг вспыхнул гнев. — А эту палку выкини к чертям!

— Как скажешь, — повторила я за Карлом его слова, понимая, что лишние вопросы неуместны, а его палка дарит ему дурные ассоциации.

После завтрака Карл принял лекарство. Он еще не успел побриться и выглядел немного неряшливо: борода отросла и требовала ухода. Но меня это ничуть не смущало. Напротив, я поймала себя на мысли, что она ему даже идет. Однако в следующий миг меня передернуло — эта борода напомнила мне Османа. От этой мысли стало не по себе. Карл всегда брился сам, острым лезвием, и я, со своими кривыми руками, вряд ли могла помочь. Зато я без труда на днях смогла пригласить цирюльника.

Чтобы Карлу не пришлось лишний раз вставать, слуги принесли в спальню таз с теплой водой — он мог умыться прямо в постели. Одно это освежило мужчину, словно вода способна смыть часть кручины.

До обеда я заставила Карла поспать. Последние дни его измотали, и он согласился. У меня было свободное время: вчера я сказала сотрудникам, что на сегодня совещание отменяется. Отправилась в кабинет написать письмо аббату Флетчеру. В письме я говорила, что смогла уверовать в силу человека и что у этой истории счастливый конец. Я попросила его привезти миссис Норрис ко мне домой, потому что Карлу пока нельзя ходить.

Потом просмотрела бумаги, которые привез виконт. Он справился со своей задачей: подрядчик возобновляет работу на коях при совместном финансировании — с моей стороны и со стороны местного казначейства. Месторождение разрабатывает не только мое предприятие, но и окрестные дельцы. На данном этапе это было наиболее выгодное решение с экономической точки зрения. Благодаря этим документам я получила официальное право на добычу и транспортировку драгоценных камней из империи в королевство на весьма выгодных условиях. Теперь я могла без каких-либо препятствий продолжить дело своих предков.

Соскучившись по Карлу, я вошла в комнату. Он все еще спал. Я поцеловала его. Дворецкий принес трость. Мы положили ее на тумбочку и вышли.

Я отправила письмо и сидела в библиотеке, читала книгу. Как приятно, когда мозги встают на место, на сердце легкость, а душа парит! Раздался звонок, и мистер Леджер пошел открывать дверь. По возбужденным, громким и веселым голосам я смогла понять, кто там: Дженни, Том, Пэт и Питер с Салли. Присутствие последней меня удивило. Но всем им я была рада, они сияли, каждый из них говорил что-то восторженное. Я мягко призвала их к тишине:

— Тише, пожалуйста, тише!

— А что такое? — спросила Пэт.

— Карл отсыпается.

Том размашисто взмахнул руками, чувствуя себя как дома, направился к лестнице и небрежно бросил:

— Если Карл не почил вечным сном, то от обычного мы точно его пробудим!

— Том, его там нет, — остановила я его. — Спускайся.

Он послушно спустился, вернулся ко мне и на мгновение замер, странно глядя на меня. Затем вдруг резко подхватил меня на руки и закружил по комнате, восторженно восклицая, какой прекрасный этот мир. Я хохотала, пытаюсь вырваться, но Том держал крепко. Наконец он поставил меня на ноги.

— Ну, теперь показывай, где он! — потребовал он.

— Хорошо, — улыбнулась я. — Карл уже достаточно отдохнул, а скоро будет обед. Идемте за мной!

Я оставила их за дверью, а сама пошла будить Карла:

— Просыпайся, дорогой.

Он медленно открыл глаза.

— Просыпайся, — нежно повторила я. — К тебе кое-кто пришел.

— Кто? — сонно спросил Карл.

— Заходите, — крикнула я.

Дверь открылась, и гости зашли. Когда Карл увидел друзей, приподнялся в кровати и от радости тут же проснулся. Первой к нему подбежала Дженни. Том издавал странные звуки, но они явно выражали радость. Он изображал, что дул в горн, потом сел на воображаемого коня и поскакал навстречу Карлу.

— Ну ты дал, друг! — веселился Том. — Я уже не надеялся тебя увидеть!

Они обнялись, и Том вновь сел на невидимого коня, но теперь уже при помощи трости Норриса, и заскакал по комнате. Выступление артиста безумно нас веселило. Пэт старалась сдержаться от смеха, но широко улыбалась. Она аккуратно обняла Карла и поцеловала его в щеку.

— Внимайте, смерды! — громогласно провозгласил Том. — Не прячьтесь по углам и не роняйте пироги от волнения! Возрадуйтесь и вознесите хвалу! Лорд Норрис, доблестный защитник наших берегов, поверг врага в морской пучине! Лев вернулся домой героем! Честь ему, слава — и двойная порция эля!

Том был бесподобен в своей шутовской инсценировке — мы хохотали до слез над его речью средневекового глашатая. Больше всего меня забавляло, что его воображаемый конь оказался весьма темпераментным: он нервно переступал с ноги на ногу, а в какой-то момент даже сделал полный оборот на месте.

Мне было любопытно, как Карл будет вести себя с Салли. Но ничего особенного я не увидела. Карл был любезен, но так же, как и с остальными. Пока они что-то говорили друг другу, я посмотрела на Пита, тот уже смотрел на меня. Хотелось бы распознать его чувства. Карл вырвался из интригующего приключения, и, естественно, это вызывает к нему дополнительное внимание. В Салли, как в бывшей возлюбленной Карла, могли всколыхнуться старые чувства. Питера наверняка это беспокоило и мне вдруг стало за него тревожно... Хотела его обнять... Испугалась сама же этого порыва: слишком быстро от гнева я возвращаюсь к теп-

лomu отношению к этому мужчине. Карл еще не оправился от ран и не успел рассказать, с чем столкнулся, а я уже на радостях готова обниматься с любовником, к которому еще сутки назад испытывала лишь презрение.

Слишком долго я размышляла, смотря на Питера. Наверное, ему также было любопытно, что творится у меня в душе и голове. Я корила себя за слабость, но не стала сопротивляться очевидному — тяга к Питу не испарилась. Да, она утихла, потому что я отчаянно загнала ее поганой метлой в дальний угол. А сейчас испуганные гонением чувства начинают выглядывать из-под развалин рухнувшей стены.

Я улыбнулась Питеру — легко, почти трагично, его глаза воспряли, и подмигнул мне... Я отметила, что у него получилось это сделать без пошлости.

Том наконец торжественно объявил антракт и помог Питеру, лакею и мастеру по дому занести в комнату небольшой стол и стулья, чтобы мы прямо в спальне могли пообедать. Карлу еду подали на подносе в постель. Я восхищалась тем, как этот человек не принимает свою слабость, но вынужденно мирится с обстоятельствами.

Мы оживленно беседовали о самых разных вещах. Гости с воодушевлением рассказывали Карлу, как я отстаивала свою правоту, не отступая ни на шаг. Карл был глубоко тронут тем, с каким упорством я его ждала. Я пыталась остановить эти похвалы в мой адрес, но друзья все равно рассказали ему обо всем — по крайней мере, о том, что видели своими глазами.

— Право, миледи, — начал Том, заключая меня в теплые объятия, — я тебя уже боюсь! Но восхищаюсь еще сильнее!

— Ведьмы так и действуют на мужчин, — негромко пробормотал Питер, и Салли бросила на него странный взгляд.

— Сам ты ведьма! — парировала Пэт.

— Вот именно, — подхватила Дженни. — Это называется — сила любви!

— Любовь — разве это колдовство? — уточнила я у подруги, то ли защищая Пита, то ли завлекая Карла.

Ответ не требовался: повисший в воздухе вопрос действовал лучше любых дальнейших рассуждений.

Питер упомянул, как я сидела на пристани и ждала возвращения корабля с Карлом. Он тактично опустил тревожные подробности моего состояния и странные высказывания — за это я была ему искренне благодарна. Затем Карл начал рассказывать о своем возвращении домой и, конечно, упомянул врача.

— Так подожди, — уточнил Том. — Доктор сам ломал тебе ногу?

— Я плохо видел, что он делал, но чувствовал себя не очень-то приятно.

— Жуть! — проговорила Дженни.

— Так что же произошло, Карл? — спросила Салли покладисто.

Мы вновь переглянулись с Питером. Карл выдохнул и произнес:

— Вы знаете... Я видел ужасные вещи. Мне и самому приходилось их совершать. Мало времени прошло. Я не хочу об этом вспоминать. Пока что...

Всем, конечно, было безумно любопытно узнать подробности, и ответ Карла вызвал у присутствующих легкое разочарование. Однако никто не решился настаивать. Том поспешил сменить тему:

— В конце концов! Мы что, парня достали? Неужели нам больше не о чем поговорить? Как я и обещал, я всех вас приглашаю в театр. Я играю в пьесе. Как только встанешь на ноги, дам билеты вам с Даманой.

Питер достал из кармана два билета и показал мне.

— Мы идем уже в эту субботу, — пояснил Питер.

— Том, — говорила я, — я в тебе не сомневалась, но поздравляю!

Увидев горсть таблеток, которые я подготовила для Карла, гости восприняли это как предложение покинуть больного для спокойного отдыха. Норриса обнимали на прощание, желали выздоровления и благодарили за возвращение.

Наступил час ужина. Виконт вновь принимал пищу в постели, на подносе, а я сидела за столом — но всем телом и взглядом была обращена к нему. Я решила, что нам можно позволить себе по бокалу вина.

— Значит, все думали, что ты начинаешь сходить с ума? — спросил меня Карл.

Я невесело усмехнулась и ответила, не отрывая взгляда от бокала:

— Порой я и сама ловила себя на этой мысли.

— Бедная моя... — вздохнул Карл. — Я причинил тебе столько страданий...

Я покачала головой в знак того, что не виню Карла ни в чем. Я нахмурила брови, чтобы он больше так не говорил и не думал.

— Расскажешь мне о своем путешествии? — мягко сменил тему Карл.

Я пожалала плечами, собралась с мыслями, сделала глоток вина и начала свой рассказ. Карл слушал внимательно, не отрывая от меня взгляда.

— Наш капитан — Оливер Кук, удивительный человек, — начала я. — Мы с Дэвидом сразу прониклись к нему...

Я рассказывала Карлу обо всем, что видела, что чувствовала, что испытывала. Все то, что рассказала и тебе, дорогой читатель. Но, конечно, не все упомянула об Османе и о ядах. А остальное выложила с чистой совестью. Карл улыбался и погружался в мою историю. Я рассказала, как встретила с самим султаном Империи Джамалом ад-Дином.

Карла особенно рассмешил рассказ о том, как мы с Дэвидом неуклюже катались на верблюдах, и о великолепных породистых арабских скакунах. Когда я заговорила о местном празднике и танце живота, Карл вдруг попросил меня показать пару движений. Я робко попыталась повторить несколько па, но быстро застеснялась и прервала свое выступление. Карл продолжал улыбаться, слушая о непривычных для европейца обычаях и законах мусульман.

Потом я перешла к Вишну. Карл хотел возмутиться, что хозяин дома, в котором должен был жить мой родственник, не хотел впускать нас. Но я сразу же его успокоила и поведала всю историю. Карл пожалел, что мой последний родственник тоже оказался мертв.

После я рассказала о проклятии — и о том, что Вишну искренне в него верит. Упомянула и то, что на протяжении всего путешествия меня не оставляла тревога. Карл попытался меня успокоить, но его нежный, полный заботы взгляд сказал больше любых слов.

Потом я перешла к возвращению в королевство и о ледящей новости от Стефана. Я рассказала, почему и где сейчас миссис Норрис и отец Флетчер. Карл был безмерно мне благодарен за отважный поступок:

— Когда ты мне сказала, что мама ни о чем не знает, у меня с плеч свалилась огромная тяжесть!

Я считала, что меня не за что благодарить.

Воцарилась тишина. Карл выпил свою порцию вина и потянулся за бутылкой, чтобы еще раз наполнить мой и свой бокал. Он посмотрел на бутылку и разлил остатки. Я поняла, что надо идти еще за одной. Спустилась в погреб, взяла вино и вернулась. Карл открыл его, как он объяснил, чтобы немного подышало. Удивительно, что он мне рассказывает об этом, а не наоборот... Тогда я была такой счастливой! С ужином было покончено, поэтому я перебралась на кровать и сидела рядом с Карлом, скрестив ноги. Мы чокнулись, сделали по глотку, и Карл начал говорить:

— Мы отплыли через несколько часов после вас...

— Карл, — перебила я его. — Ты говорил, что не хочешь вспоминать. Я не настаиваю на рассказе.

— Просто я считаю, что ты имеешь право знать. К тому же я хочу с кем-то об этом поговорить, Дамана... О том, что произошло на моем пути.

Карла словно что-то тяготило. Я подумала, что ему надо выговориться, да и мне было интересно, что же произошло с моим мужчиной.

— Что тебя так тревожит?

— Я... Я не знаю! Вроде и правильно поступил, но я стыжусь, что ли... У меня не было выбора...

— Карл, родной. Не беспокойся. Расскажи мне все по порядку.

— Не беспокойся?.. — повторил Карл с горькой усмешкой. — Я не знаю, как ты к этому отнесешься. Но я все расскажу, ничего не утаю. Я знаю, что могу тебе доверять — эта история останется между нами. Но не уверен, что найду в тебе поддержку...

Карл сделал глоток вина, глубоко выдохнул и продолжил:

— Я поднялся на борт корабля — огромного парусного военного судна. Сразу представился капитану — Томасу Джеффу, адмиралу, основателю целой морской офицерской династии.

Меня расстроило, что Карл говорит о капитане в прошедшем времени. Я понимала, что эта история не будет веселой, пока не знала, сколько осталось в живых. Слышала про двоих, и третий — мой Карл. Для меня счастье, что он среди выживших, а что же это для других?

— Капитан был серьезным и целеустремленным. Отнесся ко мне хорошо и приветливо. Всего на корабле было четыреста сорок шесть человек.

— Так много? У нас было человек пятьдесят.

— Корабль вмещает и больше. Стандарт — десять человек на пушку. У нас это количество было... скажем так, не соблюдено в меньшую сторону. Во время плавания я подружился почти со всеми. Посол Энтони Керк, например, имел определенное влияние на капитана, но никогда не злоупотреблял своим положением. Он был несколько высокомерен, но при этом по-настоящему интересен. Граф, весьма авторитетный человек... Его надменность можно было понять: он многого добился собственным умом и хваткой, словно показывая, что имеет право смотреть на других свысока. Но, к чести его, он не был наглым.

Рассказывая о людях, Карл улыбался и смотрел куда-то в пространство:

— Еще с нами плыл военный врач мистер Бэрри. Такой он был, я скажу тебе, крупный, мощный. Словом, без подсказки я не догадался, что это врач. Характер легкий, но слишком уж веселый. Для хирурга необычный случай... Был у него помощник, матрос Джеймс Джильдер. Он учился на хирурга. И, по словам Бэрри, был весьма перспективным военным врачом... И вот теперь перспективы нет...

Норрис глубоко выдохнул и продолжил:

— С Джеймсом я очень сдружился. Мы рассказывали друг другу о наших женщинах. Я ему все уши прожужжал о тебе! Однажды он предложил мне ночью спустить шлюпку на воду и поплыть обратно в королевство, раз мне так неймется.

Карл рассмеялся, и я невольно улыбнулась, вспомнив, как нечто похожее рассказывала мне миссис Норрис из письма сына.

— Наш кок был самым недовольным человеком на свете. Он вечно ворчал и бранился, словно стремился испортить настроение всему экипажу. Но никто не воспринимал его всерьез — все знали, что это просто его натура. Готовил он, впрочем, вполне сносно, и этого было достаточно.

В первый же день капитан задействовал меня на судне. Ты знаешь, даже я понимал, что у меня все неплохо выходит: быстро схватывал, интуитивно понимал... Через две недели мне уже никто не подсказывал, что надо делать. Я достаточно полно изучил корабль. Порой мне казалось, что мореходство у меня в крови. Но пришвартовка, Дамана! — Карл восторженно поднял руки, признавая свое восхищение. — На такой громадине — это настоящее искусство!

Ты бы видела, как слаженно действует экипаж, насколько отточены их движения! Исключительно опытные моряки!

Днем, 13 марта, мы прибыли в столицу империи. Погода оказалась куда менее приветливой, чем та, что досталась тебе. На улице холод, хоть и солнечно, а снег до конца не сошел: слякоть, много воды.

Карл, судя по глазам, был недоволен погодой:

— Холодно — жуть! Капитан предупредил меня, что утром 28 апреля мы отплываем обратно. А посол предложил сходить на бал к одному дворянину, я согласился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.